

НОВАЯ ПОЛЬША 9/2008

Содержание

1. ПРОЩАЙ, ВЕЛИКИЙ АЛЕКСАНДР
2. ОН БЫЛ НАМ НУЖЕН
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ОЛЬГЕРД ВОЛЫНСКИЙ
5. РОССИЯ ПОСЛЕ “ПОЛЬСКОГО ПАПЫ”
6. ПОЛЕ БОЯ - ГЕРМАНИЯ. И НЕ ТОЛЬКО
7. МОЛЧАНИЕ
8. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ
9. СЛОВО О “ПЛАМЕНИ”
10. БЖОЗОВСКИЙ - СВИДЕТЕЛЬ ИНОГО ПОДСОЗНАНИЯ
11. ВЫ УЖЕ ПОБОРОЛИ В СЕБЕ БЖОЗОВСКОГО?
12. ПЕРЕЧИТЫВАЯ “ПЛАМЯ” СТАНИСЛАВА БЖОЗОВСКОГО
13. ЧЕЛОВЕК СРЕДИ СКОРПИОНОВ
14. БРИГАДЫ БАРБАРЫ БРЫЛЬСКОЙ
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ПРОЩАЙ, ВЕЛИКИЙ АЛЕКСАНДР

Ушел человек эпохи, который самой мрачной части XX века дал точное имя. И никакие разговоры на тему его более поздних взглядов не в состоянии затмить то огромное впечатление, которое он произвел своими книгами о советских лагерях и о том, чего весь мир не заметил. Не кто иной, как Солженицын, показал, что система лагерей была отнюдь не каким-то маргинальным элементом организации советской жизни, но его платоновской идеей. Что, по Сталину, страну надлежало устроить именно таким эффективным, идеальным – по мнению организаторов – способом, каким был устроен ГУЛАГ.

Вторая небывалая заслуга Солженицына: он показал то, о чем мы в Польше обязаны напоминать себе каждый день, – а именно: что закон, который служит прежде всего интересам и укреплению господствующего режима, закон, понятый как инструмент исполнительной власти, неизбежно приводит к лагерям для всех, кому такого рода закон не нравится. Солженицын документировал это сотнями, тысячами примеров, составляющих “Архипелаг ГУЛАГ” – эту энциклопедию человеческого страдания, предзнаменование которой можно найти на страницах “Волшебной горы” Томаса Манна. Всё это вместе складывается в страшный вопрос: а существует ли в мире такая идея, за которую стоит заплатить жизнью хотя бы одного поколения?

Я имел честь быть лично знакомым с Александром Исаевичем и несколько раз с ним разговаривать. Это был человек, необычайно открытый чужим рассказам. Он не удивлял собеседника неизвестными подробностями собственной биографии, а говорил о вещах, свидетельствовавших о его любознательности по отношению к миру. Он интересовался Польшей. Если кто-нибудь откроет третий том “Архипелага”, то найдет там описание подавленной властями голодовки в Экибастузском лагере, единственным несдавшимся участником которой был поляк, инженер Ежи (Юрий) Венгерский. Солженицын пишет о нем довольно много, а кончает фразой, которая должна заставить каждого поляка на минуту задуматься над нашим отношением к русским: “Если

бы все мы были так горды и тверды, – какой бы тиран удержался?”

В Польше Солженицын дебютировал на страницах еженедельника “Политика”, где в 1963 г. печаталась его повесть “Один день Ивана Денисовича”. Официальные издательства начали публиковать его книги лишь в конце 80-х. Книги, изданные в независимых издательствах в 70-80-е годы (перепечатки изданий парижского “Института либерального”, многие – в переводах Ежи Помяновского), стали бестселлерами независимого книжного рынка.

“Политика”, 2008, № 32 (2666), 9 августа

ОН БЫЛ НАМ НУЖЕН

Бронислав Геремек воплощал в себе ту вторую половину европейского XX века, которая в конечном итоге завершилась лучше, чем начиналась. Лишь немногие вправе утверждать, что способствовали этому в такой же мере, как он. От варшавского гетто до парламента в Страсбурге, от университета до политики, от ПОРП до коммунистической тюрьмы, от “Солидарности” до министерства иностранных дел своей страны – такой необычный путь прошел этот мыслитель, гуманист и полиглот, польский патриот и европеец сердцем и разумом, а вместе с тем гражданин мира. (...) Он говорил о Европе так, как умеют говорить о ней лишь немногие, с тем сочетанием страстности визионера с прагматизмом, которое знаменует собой подлинное величие: “Если бы в темные дни диктатуры мне сказали, что я доживу до времен, когда моя страна сделается полноправным членом европейской семьи, я бы лишь улыбнулся красивым грезам, которые не имеют ни малейших шансов на осуществление. Но нужно было за это сражаться, как если бы оно было возможно”.

Эли Барнакси, Кшиштоф Помян, Бенуа Ремиш

(“Газета выборча”, 21 июля)

Он входил в число главных, наряду с Лехом Валенсой и Тадеушем Мазовецким, отцов-основателей свободной Польши. Считавшийся лучшим из польских министров иностранных дел после падения коммунизма, он сыграл огромную роль в деле вступления нашей страны в НАТО. (...) Он был одним из тех политиков, кого не создает выполняемая ими функция: личность опережала функции – функции были добавочной ценностью, и, какую бы он ни выполнял функцию, с ним прежде всего считались как с “профессором Геремеком”. (...) Он был патриотом, который добивался блага Польши, и одновременно – европейцем, который добивался блага Евросоюза и всего континента. Синтез, часто выходивший за пределы польского воображения.

О. Адам Бонецкий,

главный редактор “Тыгодника повшехного”

(“Тыгодник повшехный”, 20 июля)

Это же Бронек оказал решающее влияние на соглашения, заключавшиеся за “круглым столом”. Бронек убеждал Валенсу, что нужно менять, но осторожно – не забывая, что в Польше еще стоит советская армия. (...) Он не думал о политической карьере. После “круглого стола” намечали кандидатов в Сейм. Я был свидетелем резкого столкновения Геремека с Валенсой. Бронек сказал, что не хочет выдвигаться, потому что его призвание – научная деятельность. Валенса был взбешен. “Вы обязаны, пан Бронек!” – кричал он. И Бронек сдался. (...) Он стал депутатом, возглавил парламентскую Гражданскую фракцию. (...) И сыграл ключевую роль в демонтаже коммунизма. То была роль его жизни, и никто у него этого не отнимет. (...) Пожалуй, он отдавал себе отчет в том, чего сумел достичь как эксперт-консультант на Гданьской судовой верфи [в августе 1980-го], участник переговоров “круглого стола” и как министр иностранных дел, который привел Польшу в НАТО.

Проф. Генрик Самсонович,
бывший ректор Варшавского университета,
бывший министр народного образования
(“Газета wyborcza”, 21 июля)

Огромный, неиссякаемый политический и интеллектуальный талант. (...) Он был очень деликатным человеком. Если б он играл резче, боролся жестче... (...) Но он не хотел войн. (...) Без Геремека я бы ничего не сделал. Без Бронек это было бы невозможно. Я ставлю его сразу вслед за Иоанном Павлом II, а в интеллектуальном отношении Геремек ему равен. А за ними – долго ничего. (...) Бронек! Пан Бронек! Без нужды вы поспешили, потому что вы нам страшно нужны... вы нам были страшно нужны. (...) Я бы всё сделал, чтобы следующим президентом Польши стал Бронислав Геремек.

Лех Валенса
(“Газета wyborcza”, 15 июля)

Помню, однажды Геремек заговорил со мной в коридоре польского парламента (он был одним из тех, кто в числе других возвращал ему подлинно парламентский характер) (...) и с неожиданной страстью заявил: “Знаешь, для меня Европа – это такая платоновская идея”. Европа больше никогда не увидит кого-то подобного ему. Сообразительный еврейский мальчишка, чудом выживший в апокалипсисе варшавского гетто при нацистской оккупации, он учился патриотизму и

поэзии от католических учителей из монашеского ордена мариан (...) Геремек сыграл ключевую роль в движении “Солидарности”, был зодчим мирных преобразований, положивших конец коммунизму не только в Польше, но и во всей Центральной Европе. (...) Подвергавшийся нападкам националистов в собственной стране, за границей он был самым выдающимся глашатаем ее интересов. Раз за разом он демонстрировал то, чего не в состоянии заметить лишь косные умы: нет никакого противоречия между тем, чтобы быть поляком, евреем и европейцем”.

Тимоти Гартон Эш, Оксфордский университет

(“Газета выборча”, 15 июля)

Мы питали к нему большое доверие и относились с большим уважением. (...) Он был одним из визионеров общей Европы, где запад и восток нашего континента – равноправные партнеры. (...) И занимался созданием такой Европы, где нет места никакому национализму.

Вольфганг Тирсе, бывший председатель Бундестага

(“Жечпосполита”, 14 июля)

“Европу мы создали, – сказал однажды Геремек, – теперь нужно еще создать европейцев”.

Леопольд Унгер

(“Газета выборча”, 21 июля)

Хочу воздать почести этой великой фигуре объединения континента.

Президент Николя Саркози

(“Газета выборча”, 14 июля)

Геремек – один из двух-трех самых важных творцов успеха в августе 1980-го.

Президент Лех Качинский

(“Газета выборча”, 22 июля)

Он был творцом истории. Немногие могут сказать о себе такое.

Дэвид Харрис,

исполнительный директор Американского еврейского
комитета

(“Газета выборча”, 14 июля)

В грозные и опасные времена он обладал мужеством протестовать и противодействовать гнетущей политической силе, но обладал и мудростью, позволяющей рассматривать власть как механизм осуществления благих человеческих чаяний, а не только желать победы над противником.

Эли Визель,

(“Пшеглёнд”, 27 июля)

Мне бы хотелось, чтобы будущие поколения помнили Бронислава Геремека как пример свободы духа и чтобы он остался в нашей памяти как один из величайших символов освобождения от всяческого гнета.

Жозе Мануэль Баррозу,

председатель Европейской комиссии

(“Газета выборча”, 14 июля)

Его смерть – утрата не только для Польши, но и для всех нас, жаждущих, чтобы мир был свободным и справедливым.

Вацлав Гавел,

бывший президент Чехии

(“Газета выборча”, 14 июля)

Мы, мемориальцы, считали его одним из ориентиров в Европе.

Арсений Рогинский, “Мемориал”

(“Газета выборча”, 14 июля)

“Молчание о Тибете было бы преступлением против европейского духа”, – говорил он в марте в Европейском парламенте. Мы выражаем печаль и сожаление в связи с утратой этой авторитетной фигуры, которая поддерживала важные для нас дела.

Программа “Тибетский фонд – Другое пространство”

(<http://ratujtybet.org>)

Геремек “Солидарности”, Геремек “круглого стола”, Геремек современной Европы для нас в России всегда был легендой. А еще – авторитетной личностью, образцом честности и ответственности.

Члены правления общества “Мемориал”

(“Газета выборча”, 16 июля)

Он придал польско-украинскому диалогу надлежащее направление и содержание. Благодаря ему были подписаны разнообразные соглашения. (...) Тот факт, что сегодня между нашими странами царят дружественные отношения, – большая заслуга профессора Геремека. Он был урожденным либералом, а это в Польше встречается не так часто. Он был европейцем, и я бы рискнул сказать, что Геремек был гражданином мира. Многим его соотечественникам (...) это не очень-то нравилось. Но на Западе он сыграл огромную роль и делал это с мыслью о Польше. Он был человеком Запада на Востоке.

Проф. Богдан Осадчук

(“Жечпосполита”, 15 июля)

Он часто говорил мне, как сильно обрадовали его слова Иоанна Павла II, произнесенные на гданьской Заспе: “Никогда друг против друга, никогда”. Борьба не может быть сильнее солидарности, никогда нельзя уничтожать другого человека, а нужно искать соглашение с ним. Такой была твоя философия, профессор. Благодарим тебя за это.

Архиепископ Тадеуш Гоцловский,

бывший митрополит Гданьский

(“Газета выборча”, 22 июля)

Его идеей было – соединять людей, а не разделять их, смягчать нравы и охлаждать эмоции.

Премьер-министр Дональд Туск

(“Жечпосполита”, 14 июля)

Геремек создавал демократическую оппозицию, вел Польшу к демократическому устройству. (...) Он принадлежал к немногочисленной группе польских политиков, которых уважали во всем мире. (...) Вокруг него собралось много

достойных личностей, которые по сей день составляют существенную часть польской дипломатии.

Александр Квасневский,
бывший президент Польши
(“Жечпосполита”, 14 июля)

Мне бы хотелось сохранить воспоминание о том, как Бронислав Геремек с самыми настоящими слезами на глазах подписывал документ о польском членстве в НАТО. (...) Это – воспоминание о человеке, который смог осуществить свою мечту о лучшем, более разумном мире, о более безопасной Польше.

Бронислав Коморовский,
маршал Сейма
(“Дзенник”, 22 июля)

Со вчерашнего дня я знаю, что отныне все будет по-другому. Мне трудно писать о своем друге в прошедшем времени. (...) Этот юноша, чудом уцелевший в Катастрофе, стал со временем представителем и выразителем самых лучших польских традиций государства без костров и без политзаключенных, Польши независимой и демократической, Польши открытой и терпимой.

Адам Михник
(“Газета wyborча”, 14 июля)

Трагичны были судьбы его детства, трагична его смерть. (...) Будучи ближайшим советником Леха Валенсы, он вместе с Тадеушем Мазовецким стал главным конструктором политических перемен и изменения государственного строя в Польше 1989 года. Их обоих коммунисты называли “мозгом оппозиции”.

Епископ Алоизий Оршулик
(“Газета wyborча”, 15 июля)

Геремек неоднократно вспоминал, что с детских лет хотел быть писателем: “В детстве я даже предпринимал свои первые пробы пера и передавал их Янушу Корчаку. Я был знаком с ним с 1939 года. Корчак разговаривал со мною как с взрослым, относился совершенно всерьез. И спрашивал, хорошо ли я обдумал свой выбор. Объяснял, что писателю надо быть очень

умным человеком и очень много читать, чтобы хорошо писать. И еще: что ему надо понимать мир, даже если это мир преступный или несправедливый. „Сумеешь ли ты?“ – спрашивал меня Корчак. Так я и не стал писателем. Я осознал, что никогда не смогу понять смерть, голод и человеческое отчаяние. Не смогу понять кошмар, который окружал меня в варшавском гетто”.

Ярослав Курский

(“Газета wyborcza”, 21 июля)

Когда беседа переходит на его детство, Бронислав Геремек становится неразговорчивым. Внезапно он выглядит беспомощным, а его мягкий голос становится еще тише. “Мне было семь лет, когда разразилась война, и двенадцать, когда она закончилась. Меня сформировало это время, драматическая судьба Польши и моей семьи, которая большей частью погибла в Аушвице и Биркенау. Я не часто об этом думаю, но эта история навсегда со мной... Некоторые недовольны, что я не хочу об этом говорить. Но я просто не в состоянии... Это такой опыт, который исключительно трудно принять... в рациональных категориях”.

Михал Винярский

(“Газета wyborcza”, 21 июля,

по публикации в “Дагенс нюхетер”)

После всего, через что прошла наша семья, страстная преданность Бронека Польше была чем-то исключительным. Он мог сделать карьеру где угодно, но это никогда даже не пришло ему в голову. Польша была для него всем.

Ежи Леварт, брат Бронислава Геремека

(“Пшеглэнд”, 27 июля)

Благодаря ему к Польше относились как к серьезному союзнику, стране, внешняя политика которой умна и хорошо продумана. Помнится, в 90-е годы американский журналист задал Геремеку стандартный вопрос о польском антисемитизме, и Бронек ответил: “Моя семья погибла в гетто. После свободных выборов свободное правительство Польши назначило меня министром иностранных дел. Вам этого достаточно?”

Збигнев Бжезинский

(“Газета wyborcza”, 14 июля)

Он был великой совестью Польши, одним из крупнейших мыслителей Центральной Европы. (...) Жизнь была к нему жестока, но он всё ей прощал. Поляки наверняка не проявили к нему достаточной благодарности. В своей стране его, пожалуй, немного отвергали. Но он не был в обиде, лишь пожимал плечами. Знают ли молодые поляки, что он совершил? Не уверен. Только после того, как человек умирает, мы осознаём, кого и что потеряли.

Бернар Кушнер,

министр иностранных дел Франции

(“Газета wyborcza”, 14 июля)

Во внешнем мире Бронислав Геремек пользовался несравненно более высоким авторитетом, чем у себя на родине. Этот факт вызывал во всём мире немалое изумление.

Эли Зборовский,

президент Международного общества “Яд Вашем”

(“Пшеглэнд”, 27 июля)

Историки не поскупятся отвести ему надлежащее место в истории независимой с 1989 г. Польши, которую он создавал. У меня при воспоминании о мелкотравчатости, с которой он сталкивался в последние годы, остается горечь и сожаление.

Тадеуш Мазовецкий

(“Газета wyborcza”, 14 июля)

Он вызывал не только симпатию, но и антипатию. Он был слишком умным, слишком хорошо говорил, слишком много знал.

Томаш Яструн

(“Ньюсуик-Польша”, 27 июля)

Сколь многим обязаны вам отечество и я лично – не подсчитать. (...) По воле случая я так никогда и не успел вас поблагодарить. Сегодня то, что я скажу здесь, вам уже не пригодится, но совесть требует перед лицом величия смерти сказать правду: по моей оценке вы были величайшим из поляков (...) и я благодарен Богу за то, что познакомился с вами.

Мог восхищаться и учиться. (...) Пан Бронек! Да воздаст вам Бог. Спасибо. Покойтесь в мире. Скоро встретимся.

Лех Валенса

(“Газета wyborcza”, 22 июля)

Более тысячи варшавян пришли вчера на военное кладбище в Повонзках попрощаться с трагически погибшим Брониславом Геремеком. В струях дождя они стояли под зонтами. (...) “Благодаря таким людям, как профессор, я мог расти в свободной Польше. Мне никогда не довелось с ним встречаться, но сейчас я хочу с ним попрощаться и поблагодарить его, зажигая свечку”, – объяснил Марек Зажечный, 1980 года рождения. (...) “Когда я услышала, что профессор погиб в автокатастрофе, то ощутила огромную пустоту. Этот человек был для меня символом борьбы за демократию”, – вспоминает Барбара Адамяк, учительница на пенсии. (...) “Когда он подписывал договор с НАТО, мне было 14 лет. Я горжусь, что видел это. Поэтому сегодня я стою у его могилы”, – говорил Томаш, студент-экономист. (...) “Для меня он авторитетная личность”, – кратко сказал Яцек Ковальчик, варшавский студент. (...) Поздно вечером перед запертыми воротами кладбища мы застали Магду, юриста из Варшавы. “Профессор был представителем исчезающего класса людей с принципами, – сказала она. – Я и представить себе не могла, что не попрощаюсь с ним. Я не могла уйти с работы и пойти на похороны, поэтому пришла сюда сейчас. Досадно, что уже не войти”.

Яцек Завадский

(“Газета wyborcza”, 22 июля)

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Годовщина Варшавского восстания 1944 года (...) Ровно в 17.00 в столице и других польских городах раздался вой сирен. В Варшаве машины и пешеходы остановились, чтобы почтить память погибших в восстании (...) Когда в 17.00 завывали сирены, собравшиеся на военном кладбище члены правительства, депутаты парламента, духовенство, генералитет и ветераны почтили память павших минутой молчания. В церемонии приняли участие президент Лех Качинский и премьер-министр Дональд Туск”. (“Жечпосполита”, 2–3 авг.)
- Президент Лех Качинский на церемонии в честь 64-й годовщины начала Варшавского восстания: “Это была последняя попытка сохранить независимую Польшу. Советская армия уже занимала Прагу [правобережное предместье Варшавы] (...) Было очевидно, что либо Варшаву займут поляки (...) либо шанс сохранить независимость будет потерян” (...) Президент напомнил, что решение поднять восстание стоило жизни сотням тысяч жителей Варшавы и десяткам тысяч солдат. (“Жечпосполита”, 4 авг.)
- “Уже несколько лет подряд церемония у памятника „Gloria Victis” на военном кладбище превращается в постыдное зрелище. Когда слышишь ропот и крики „жиды!” в адрес политических противников, трудно избавиться от впечатления, что всё это имеет мало общего с памятью о таком великом национально-освободительном порыве, как Варшавское восстание (...) Седовласые дамы, оплевывающие неугодных им политиков в национальном пантеоне, каким становится 1 августа военное кладбище в Повонзках, надолго останутся в памяти как символ бессмысленной ненависти”. (Ежи С. Маевский, Томаш Ужиковский, “Газета wyborcza”, 2–3 авг.)
- “Збигнев Сцибор-Рыльский, председатель Союза варшавских повстанцев: „Это было возмутительно и ужасно (...) Это делают какие-то пожилые особы, видимо, находящиеся под влиянием отца Рыдзыка. Для этих людей профессор Бартошевский – враг, поскольку он сотрудничает с премьер-министром Туском” (...) Тадеуш Филипковский, член президиума Главного правления Всемирного союза бойцов Армии Крайовой: „(...) Всё

превратилось в политический спектакль (...) Мы благодарны президенту Леху Качинскому за строительство Музея Варшавского восстания (...) но наша среда умеет смотреть и замечать, что творится вокруг (...) Мы – не придаток политической партии””. (“Газета выборча”, 4 авг.)

- “Бронислав Геремек погиб в автокатастрофе. От нас ушел бывший министр иностранных дел и один из самых известных деятелей „Солидарности” (...) Смерть Геремека, который начиная с 2004 г. был евродепутатом, всколыхнула всех (...) Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу назвал его „великим и свободным духом европейцем””. (“Жечпосполита”, 14 июля)

- “Залу №14 Сейма, в котором заседает Комиссия по иностранным делам, присвоено имя Бронислава Геремека (...) Вчера Сейм почтил память трагически погибшего политика (...) Заседание началось с минуты молчания и единогласного принятия резолюции, увековечивающей память профессора. Депутаты приняли ее стоя в присутствии семьи профессора, бывшего президента Александра Квасневского, а также членов Гражданской парламентской фракции, „Унии свободы” и „Демократической унии””. (“Газета выборча”, 23 июля)

- “После смерти Геремека евродепутатом стал Анджей Велёвейский (...) Место в Европарламенте, освободившееся в течение срока депутатских полномочий, может перейти к кандидату из того же партийного списка, который занял в том же избирательном округе следующее место по числу голосов. В 2004 г. Бронислав Геремек и Анджей Велёвейский баллотировались по варшавскому списку „Унии свободы”. Геремек набрал более 114 тыс. голосов, Велёвейский – около 2,5 тысяч”. (“Газета выборча”, 23 авг.)

- Согласно опросу ЦИМО, если бы в Польше прошел референдум по вопросу принятия Лиссабонского договора, 71% поляков проголосовал бы “за”, 11% – против. За ратификацию договора президентом Лехом Качинским, несмотря на отклонение Ирландией, высказываются 45% опрошенных. Противоположного мнения придерживаются 4%. (“Дзенник”, 16 июня)

- “Депутаты „Права и справедливости” (ПиС), связанные с радио „Мария” о. Рыдзыка, благодарят ирландцев за отклонение Лиссабонского договора (...) Они написали президенту и премьер-министру Ирландии письмо, в котором, в частности, говорится: „Решение ирландцев – это победа свободы над искусственными идеями элиты, которая хочет

протащить принципы, нарушающие основополагающее право человека на жизнь и право народа на сохранение своего национального облика””. (“Дзенник”, 16 июня)

- “Просто невероятно, с каким лицемерием и безграничным презрением защитники политической интеграции Европы, еврократы, защищающие свои интересы и неохотно отрывающие рыла от корыта (...) а также европейские „политические элиты”, рассматривающие избирателей как нечто неприятное, приклеившееся им к подошве и мешающее работать, продолжают без конца повторять одни и те же пустые фразы, годящиеся на все случаи жизни”. (Агнешка Колаковская, “Жечпосполита”, 18 июня)

- “Прадолина Бзуры и Нера – ценнейшие в центральной Польше водно-болотные угодья, входящие в европейскую сеть „Natura-2000” (...) В 2005 г. великопольский воевода подписал решение о мелиорации 20-километрового отрезка Нера, одобренное великопольским инспектором по охране природы (...) В октябре прошлого года землечерпалки вычерпали со дна полутораметровый слой отложений и песка и выбросили все это на берег, создав гигантские кучи глины (...) В этом месте кипела жизнь. Теперь прибрежные торфяные болота высыхают. Вернуть долине первозданный вид уже невозможно (...) Может статься, что (...) ЕС наложит на нас многомиллионный штраф”. (Бартломей Дана, “Газета wyborcza”, 1 июля)

- “Вчера Европарламент подавляющим большинством голосов принял предложенный депутатом Пис Мартином Либицким доклад об опасных экологических последствиях прокладки по дну Балтийского моря газопровода „Северный поток” (...) Решение Европарламента означает, что компания „Северный поток”, созданная российским „Газпромом”, немецкими фирмами E.ON и BASF, а также голландской компанией „Gasunie”, должна подготовить экологическую оценку инвестиции. На ее основании Германия, Дания, Швеция и Финляндия могут выразить согласие на строительство газопровода из России в Германию”. (“Жечпосполита”, 9 июля)

- “Несколько крупных польских производителей стиральных порошков отказались от использования фосфатов, которые уничтожают природную среду Балтийского моря (...) вызывая сильное цветение воды, в результате чего живые организмы вымирают. Фосфатов уже не используют „Хенкель”, Юнилевер”, JELP (...) Как сообщает Хельсинская комиссия, Польша принадлежит к числу стран, сбрасывающих в Балтийское море особенно много фосфатов. По последним данным, 9 из 28 тыс. тонн этих соединений поступают из

Польши (...) Уже сейчас 10% поверхности Балтийского моря – это пустыня, где нет никакой жизни”. (Изабела Марчак, “Дзенник”, 2 июня)

- “В первом квартале этого года экономика зоны евро выросла на 2,1%. Рост в последнем квартале 2007 г. составил 2,2%. Таковы последние данные Евростата (...) Наша экономика росла в три раза быстрее: по данным Евростата, в первом квартале этого года ВВП Польши увеличился на 6,4%. Между тем Главное статистическое управление (ГСУ) сообщило, что в этот период в Польше был отмечен 6,1-процентный рост ВВП. Эти данные не противоречат друг другу. Результаты различаются, так как ГСУ считает ВВП в текущих ценах, а Евростат – в постоянных ценах по состоянию на 2000 год”. (“Дзенник”, 10 июля)

- “В ходе проверок, проведенных в 2007 г. в учреждениях, осуществляющих проекты, частично финансируемые из средств ЕС, выявлено в общей сложности 290 нарушений. Согласно информации, предоставленной министерством регионального развития, потери от этих нарушений составляют почти 40 млн. злотых. По сравнению с 2006 г. число выявленных нарушений резко увеличилось – почти в два раза, а потери от них – почти в четыре раза. Число дел, направленных в прокуратуру, увеличилось с 21 до 41-го (...) По сравнению с деньгами, использованными в 2007 г., растроченные деньги составляют около 1,3%”. (“Жечпосполита”, 14-15 авг.)

- Инвестор, строящий автостраду или скоростную дорогу, должен позаботиться не только о шумозащитных экранах, но и о мостах и туннелях для животных. Постройка туннеля шириной 20-30 метров стоит 3-4 млн. злотых. Мост для крупных животных обходится в 15-20 миллионов. Как правило, экологические расходы увеличивают инвестиционные издержки приблизительно на 10%. Однако в районах, входящих в европейскую сеть „Natura-2000”, они могут составить до 30% всей стоимости инвестиции (...) На 137-километровом отрезке автострады от Конина до Нового-Томышля расположены 10 переходов для земноводных и мелких животных и пять мостов. На 104-километровом отрезке от Нового-Томышля до западной границы будет 21 мост и около 120 туннелей. Фирма „Великопольская автострада” потратит на них 90-100 млн. евро (...) На автомагистрали А2 мостов для животных будет больше, чем телефонов экстренной связи: первые будут находиться через каждые 670 м, вторые – через каждые 2 км (...) Генеральная дирекция польских дорог и автострад, строящая скоростную дорогу №3 из Щецина в Гожув примерно за 2 млрд. злотых, потратила свыше 143 миллионов на выполнение

требований по охране окружающей среды”. (Агнешка Стефанская, “Жечпосполита”, 7 июля)

- “По мнению экспертов ОЭСР (...) Польша развивается очень быстрыми темпами. Согласно последнему докладу, в настоящее время она занимает второе место среди стран-членов ОЭСР по динамике роста ВВП (...) Авторы доклада уделили много внимания польскому бюджетному дефициту и налогам. Польша достигла успеха, сократив дефицит госбюджета с 6,3% в 2003 г. до 3,8% в 2006-м и 2% - в настоящее время. Однако эксперты ОЭСР обращают внимание, что достичь однопроцентного структурного дефицита в 2011 г. (...) будет трудно из-за отсутствия плана налоговой реформы”. (“Дзенник”, 12 июня)

- Согласно последнему опросу европейского центра изучения общественного мнения „Евробарометр”, поляки - народ оптимистов. 75% жителей Польши довольны своей жизнью, а более половины считают, что дела в стране идут в верном направлении. По уровню удовлетворенности жизнью мы занимаем 18-е место среди 27 европейских народов. Лидируют датчане, голландцы, люксембуржцы и шведы, среди которых довольны своей жизнью 95-96%. (“Дзенник”, 11 июля)

- “По последним данным министерства труда, в Польше около 2,5 млн. человек живут в крайней нужде. В самом трудном положении находятся семьи, в которых трое и более детей, а также родители-одиночки. Эти группы составляют 80% от общего числа лиц, живущих за чертой бедности (...) Из тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума, почти каждому второму меньше 19 лет, а каждый третий - это ребенок младше 14 лет”. (“Дзенник”, 25 июля)

- “Численность польских эмигрантов быстро растет. Сейчас на территории ЕС их в несколько раз больше, чем до нашего вступления в Евросоюз. По опубликованному вчера данным ГСУ, в конце 2007 г. число т.н. временных эмигрантов, т.е. тех, кто заявляет о своем намерении вернуться в Польшу, достигло 2,270 млн. человек (...) Больше всего их в Великобритании - 690 тысяч. До вступления в Евросоюз главным направлением эмиграции была Германия: в 2002 г. там находилось 294 тыс. поляков, а в Великобритании - только 24 тысячи”. (“Дзенник”, 27 июля)

- “Марек Белька возглавит Европейский департамент Международного валютного фонда. Бывший польский премьер-министр отказался от должности председателя

Европейской экономической комиссии ООН”. (“Тыгодник повшехный”, 27 июля)

- “По данным ГСУ, в первом полугодии текущего года поляки зарегистрировали 170 тыс. новых фирм с персоналом до 9 человек. Это на 23 тыс. больше, чем год назад. Такого высокого показателя у нас не было со времени вступления в ЕС”. (“Дзенник”, 22 июля)

- “Половина ввозимой в Польшу древесины вырубается нелегально (...) По оценкам Всемирного фонда дикой природы, ежегодно в Польшу попадает по меньшей мере 200 тыс. кубометров древесины, добытой нелегально – главным образом в лесах России”. (“Дзенник”, 25 июля)

- “В июне положение на рынке труда в очередной раз улучшилось. По данным министерства труда, уровень безработицы снизился до 9,6% по сравнению с майскими 10% (...) В июне этого года число безработных составило 1,46 млн. человек. Это самая низкая цифра за последние 17 лет: в июне 1991 г. число лиц без постоянной работы составляло 1,57 млн. человек”. (“Дзенник”, 5-6 июня)

- “Люди с высшим образованием зарабатывают в Польше в среднем 5,1 тыс. злотых до вычета налогов – на 2,2 тыс. больше, чем окончившие только среднюю школу. Зарплаты работников с неполным средним образованием еще ниже – от тех, кто получил диплом, их отделяют 2,8 тыс. злотых”. (“Жечпосполита”, 23 июля)

- “В июне инфляция выросла до 4,6% (...) Вчера злотый укрепился по отношению к евро (...) Днем евро стоил 3,249 злотых. Это самый низкий курс за всю историю общей валюты”. (“Жечпосполита”, 16 июля)

- Дариуш Филар, член Совета монетарной политики: “Больше всего меня беспокоит высокий темп роста зарплат (...) На второе место я бы поставил рост объема кредитов домашних хозяйств: в июне он составил 8,5 млрд. злотых. Это рекордный уровень (...) Объем кредитов продолжает расти после трех повышений процентных ставок (...) Третье место среди тревожных показателей занимает инфляция”. (“Дзенник”, 16 июля)

- “Совет монетарной политики в четвертый раз в этом году и в восьмой раз с начала цикла повышения повысил процентные ставки. С сегодняшнего дня основная ставка составляет 6%”. (“Газета wyborча”, 26 июня)

- “Прошлый год стал рекордным по сумме пожертвований в пользу фондов и обществ (неправительственных организаций). Благодаря изменению процедуры отчисления 1% от налога (теперь деньги переводит налоговое управление, а не, как раньше, налогоплательщик на почте) эта квота может оказаться в три раза выше, чем год назад, когда налогоплательщики отчислили в общей сложности свыше 100 млн. злотых. Увеличилось и число жертвователей – с 7 до целых 40%”. (“Тыгодник повсехный”, 27 июля)
- “В четверг с сувальской скотобойни сбежала двухлетняя [корова] Борутка. После нескольких часов погони ее напичкали снотворным и привезли обратно. Однако ее нельзя было убить, так как мясо с содержанием наркотиков было бы непригодно к употреблению. Тем временем Борутку выкупили у хозяина две неправительственные организации – „Вива” и Комитет помощи животным (...) Скотобойня отказалась выдать им корову (...) так как животное, переступившее порог скотобойни, не имеет права покинуть ее живым (...) Однако, согласно распоряжению ЕС, убивать следует лишь тех животных, которые вошли в убойный цех (...) Это обосновывается, в частности, тем, что пребывание на скотобойне – необыкновенно травматическое переживание, необратимо изменяющее психику животного (...) Борутка не успела попасть в убойный цех – она убежала со двора скотобойни, а после поимки ее поместили в загон (...) Воевода провел беседу с ветеринаром, чтобы тот, учитывая все юридические трудности, еще раз обдумал решение об убое коровы. Ветеринар обдумал свое решение и изменил его. Пока что Борутка будет жить в „Пристани спасения” – центре, созданном Комитетом помощи животным (...) Если окажется, что у нее нет тяжелых психических травм, ее отдадут в какое-нибудь хозяйство (...) Уже сейчас есть множество желающих взять корову”. (Эва Седлецкая, “Газета wyborча”, 29 июля)
- “У животных, попадающих в приют, больше шансов умереть, чем найти убежище (...) Каждое четвертое принятое в приют животное умирает (...) По крайней мере половина собак, которых приюты теоретически отдают новым хозяевам, – это фикция (...) Более половины приютских животных, т.е. около 40 тыс. в год, умирает (...) Приюты получают от гмин единовременное пособие на каждое принятое животное, что побуждает их уменьшать стоимость содержания и избавляться от животных как можно скорее. Самые великодушные морят их голодом, позволяют животным загрызть друг друга, лишают их опеки ветеринара (...) Ветеринарная инспекция нашей страны не интересуется судьбой животных, прокуроры скорее

прекращают подобные дела, нежели доводят их до процесса, а суды не усматривают преступления в массовом голодании или смерти собак (...) В результате возникла идея объединения НПО под названием „Коалиция на благо животных”. „Коалиция” выступает за смену законодательства (...) Речь идет о подписании Польшей Европейской конвенции по охране домашних животных и приведение польского законодательства в соответствие ей”. (Гжегож Линденберг, “Газета wyborcza”, 30 июня)

- “Польша принимает активное участие в резне бельков (детенышей тюленя). Ежегодно погибает около 300 тыс. этих животных (...) Польша – один из крупнейших в мире импортеров шкур белька (...) Польские экологические организации борются за введение запрета на импорт этого товара (...) Этих маленьких доверчивых животных убивают крайне жестоким образом – оглушают ударом палки (...) чтобы не повредить шкуру. Многие из них бывают еще живы, когда охотники сдирают с них шкуру (...) Особенно ценны бельки с мягким белым мехом, встречающимся только у особей младше двух недель. Поэтому в 95% случаев под ударами палок гибнут бельки, которые только появились на свет”. (Изабела Марчак, “Дзенник”, 19 июня)

- Согласно докладу, опубликованному обществом “Клен/Явор”, “в прошлом году неправительственные организации потеряли более 2 млн. членов: в 2007 г. в них состояло 14% поляков, в то время как годом раньше – 22%. Уменьшилось также число жертвователей на благотворительные цели и число организаций, получающих пожертвования от частных лиц. В 2006 г. пожертвования получили 35% НПО, т.е. на 5% меньше, чем в 2005 году (...) Меньше времени мы уделяем и волонтерству: в 2007 г. волонтеры проработали в среднем четыре часа в месяц, в то время как тремя годами раньше – шесть”. (“Тыгодник повсехный”, 27 июля)

- Согласно опросу ГфК “Полония”, Дональда Туска поддерживают 32% поляков, Казимежа Марцинкевича – 13%, Леха Качинского – 11%. 7-е место занял Ярослав Качинский с 4-процентной поддержкой. (“Жечпосполита”, 24 июня)

- Половина опрошенных ГфК “Полония” считает, что среди политиков звания джентльмена больше всех заслуживает премьер-министр Дональд Туск (50% голосов). Второе место занял министр иностранных дел Радослав Сикорский (36%), третье – маршал Сейма Бронислав Коморовский (33%). Глава государства занял 11-е место среди 25 политиков, предложенных в опросе. Мирослава Грабовская, социолог

(Институт политических исследований ПАН): “На место людей, живущих ради политики, пришли люди, живущие за счет политики. Часто они происходят из более бедных слоев общества, что связано с худшими манерами. Кроме того, современная политика, все чаще заключающаяся в сборе и использовании т.н. компромата на оппонентов, носит черты тюремной, а не джентльменской культуры”. (“Жечпосполита”, 28 июля)

- “Согласно июльскому опросу ЦИОМа, только каждый четвертый поляк доволен тем, как работает Лех Качинский (...) В начале июня деятельность президента положительно оценивали 30% опрошенных ЦИОМом. В июле группа его сторонников уменьшилась на 5%. Одновременно увеличился отрицательный электорат президента. В июле его деятельность негативно оценивали 63% поляков – на 6% больше, чем за месяц до этого (...) Причиной может быть высказывание Леха Качинского о том, что ратификация Лиссабонского договора беспредметна. Эти слова вызвали бурю негодования в Польше и за границей”. (“Дзенник”, 17 июля)

- “Согласно последнему опросу ЦИМО, 52% поляков отрицательно оценивают деятельность правительства Туска, а 39% – положительно (...) Лучше, чем правительство, поляки оценивают самого премьера. Положительно о результатах работы Дональда Туска высказываются 53% опрошенных. Противоположного мнения придерживаются 35%”. (“Жечпосполита”, 18 июля)

- Согласно опросу ЦИМО, “Гражданскую платформу” (ГП) поддерживают 52% поляков (что в случае выборов дало бы ей 277 мест в Сейме), ПиС – 27% (145 мест), Союз демократических левых сил (СДЛС) – 8% (26 мест), крестьянскую партию ПСЛ – 6% (10 мест), “Самооборону” – 3%, “Лигу польских семей” – 2%, другие партии – 2%. Избирательный барьер составляет 5%. (“Дзенник”, 30 июля)

- “Стремление к личной выгоде вписано в нашу политическую систему. Из политики уходят люди непокорные, обладающие своим мнением и своими, независимыми от партий достижениями. Уходят те, для кого политика – это миссия и кто хочет претворять в жизнь ценности (истинные или нет), исповедуемые данной группой. Остаются „профи”, рассматривающие политику как источник существования. Это нелегкий хлеб. Нужно обладать толстой кожей и мягким моральным хребтом. Польские политические партии устроены наподобие банд – или, чтобы никого не обидеть, феодальных княжеств. У князя есть дружина, у каждого из ее членов –

вассалы, а у тех – собственные подданные. В эту структуру вступают ради выгоды: опеки со стороны феодала, уделов за счет государства, воеводства или гмины, которыми правит сюзерен (...) Политики следят за столбиками рейтингов и не делают того, что могло бы уменьшить поддержку избирателей. На практике это означает, что все важные дела откладываются на неопределенное будущее. Если бы политиков, нанесших стране ущерб из-за непринятия решений, отдавали под суд, для них пришлось бы построить отдельную тюрьму”. (Витольд Гадамский, “Газета wyborcza”, 26-27 июля)

• Проф. Тадеуш Гадач, председатель Комитета философских наук ПАН: “Я не хочу обвинять в этом исключительно ПиС, но раньше ничего подобного не было. У меня такое впечатление, что два года их правления привели к деморализации сферы публичной дискуссии. Конечно, распри, „войны в верхах”, споры случались и раньше, но все это не порождало таких серьезных трещин в межчеловеческих отношениях. И хотя при нынешнем правительстве атмосфера несколько изменилась, мне кажется, что Польша переживает очень трудный период своей истории (...) В Польше нет нейтральной дискуссии о государственных делах, об общем благе”. (“Пшеглэнд”, 6 июля)

• “6 июля генералу Войцеху Ярузельскому исполнилось 85 лет. Несколько дней раньше апелляционный суд постановил возбудить [против него] дело о введении военного положения (...) Господин генерал, сегодня Вы вступаете в 86-й год жизни. По этому случаю коллектив „Пшеглэнда” и его верные читатели от всего сердца желают Вам здоровья и долголетия”. (Павел Дыбич, “Пшеглэнд”, 13 июля)

• “Продолжается интенсивное разрушение основополагающего мифа „Солидарности” и возникшей на развалинах ПНР свободной Польши. Сегодня по стенке размазывают не только коммуняку Ярузельского, но и оппозиционных инициаторов „круглого стола”. Если бы в истории какого-нибудь другого народа был такой „круглый стол”, то он стоял бы посередине самого большого музея, как пирамида, возвышающаяся во дворе Лувра. Ну а у нас продолжается разгром (...) Валенса? – „Болек” (...) Мазовецкий? – упустил шанс. Геремек? – злой гений „Солидарности”. Михник? – предатель. Отцы-основатели, сущие исчадья ада, создали дьявола, которого нужно уничтожить. Разгром идет вовсю (...) Когда инициаторы „круглого стола” будут наконец уничтожены, а его зодчие будут сидеть в общей камере (...) их места займут истинные, незапятнанные герои и возлягут на широких удобных ложах в стиле Людовика XIV”. (Даниэль Пассент, “Политика”, 5 июля)

- “На полках польских книжных магазинов появилась книга „ГБ и Лех Валенса. Дополнение к биографии”, изданная Институтом национальной памяти (ИНП) и написанная его сотрудниками – Славомиром Ценцкевичем и Петром Гонтарчиком. Авторы утверждают, что в начале 70-х легендарный лидер “Солидарности” был сексотом под псевдонимом „Болек”, доносил на своих товарищей по судовой верфи и брал за это деньги, а в 90-е годы, уже будучи президентом, получил из Управления охраны государства документацию, касавшуюся его сотрудничества, после чего вернул ее лишь частично (...) Сам Валенса заявляет о намерении подать на авторов в суд”. (“Тыгодник повсехный”, 29 июня)

- Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда: “В споре о Валенсе эмоции достигли предела – ведь речь идет о главном. Вариант истории, представленный авторами книги „ГБ и Лех Валенса”, – это по сути дела попытка лишить поляков их истории, самого впечатляющего рывка к свободе в Европе XX века (...) Это попытка написать историю заново, в агентурном варианте, в котором победа 10 миллионов человек, создавших „Солидарность”, меркнет на фоне рассказа о гигантской манипуляции ГБ. Сторонники „агентурного варианта” никогда не примут к сведению того факта, что их описание новейшей истории не подтвердилось – его опровергает возникновение свободной демократической Польши. Сценарий, воплощающийся в жизнь на наших глазах уже 20 лет, – это лучшее, что произошло в Польше на протяжении нескольких последних веков”. (“Ньюсуик-Польша”, 6 июля)

- “Краткое сообщение и фотография, сделанная в [краковском] аэропорту Балице: Славомир Мрожек с женой улетают в Варшаву, а оттуда во Францию. Их конечная цель – Ницца. „Я буду там жить. Буду смотреть на людей – они такие разноцветные. И уже не буду писать” (цитирую по памяти). Мрожек уезжает навсегда. Великий писатель покидает Краков, который он когда-то избрал местом возвращения из-за границы, покидает Польшу (...) Может, ему уже надоело все это (...) Может, это стало невыносимо?” (Юзефа Хеннель, “Тыгодник повсехный”, 15 июня)

- “На Олимпиаде в Китае не будет ни президента, ни премьер-министра – ни одного высокопоставленного представителя властей. В Пекине Польшу будет представлять только министр спорта. Политики заявляют, что после кровавой расправы китайских властей с тибетцами они не могут поехать на Олимпийские игры. Президент Лех Качинский даже

забронировал себе гостиницу в Пекине, однако после того как китайский режим начал стрелять в тибетских монахов, отказался от поездки”. (“Дзенник”, 6 августа)

- “За первый квартал нынешнего года польскую границу пересекло на 40% меньше российских и белорусских граждан и на 25% меньше украинских, чем за аналогичный период 2007 года (...) За первые четыре месяца 2008 г. польские консульства в Белоруссии выдали около 26,5 тыс. виз, а за тот же период прошлого года – почти 93 тысячи. Это означает уменьшение числа получивших их белорусов более чем на 70%. В украинских консульствах число выданных виз уменьшилось более чем в два раза (с 209 до 92 тыс.), в российских – почти в два раза (с 60-ти с лишним до 32 тысяч)”. (“Газета wyborча”, 9 июля)

- “Вчера усилия Польши по интеграции Украины в ЕС увенчались частичным успехом (...) Утвержден проект „Восточное партнерство” (...) В „Восточное партнерство” войдут Украина, Грузия, Армения, Азербайджан и Молдавия”. (“Дзенник”, 21–22 июня)

- Гжегож Мотыка, специалист по истории польско-украинских отношений: “Такой этнической чистки, как волынская резня, не проводила ни одна партизанская армия. Это бросает серьезную тень на историю украинского партизанского движения (...) По самым достоверным данным, только на Волыни было убито от 40 до 60 тысяч поляков. Если говорить обо всех регионах, где украинцы уничтожали поляков, то число жертв увеличится до ста тысяч (...) В дискуссии, которая прокатилась по Польше и Украине, особенно ценно то, что эта тема перестала быть запретной”. (“Пшеглэнд”, 27 июля)

- “63 года назад в результате облавы НКВД и Красной Армии в Сувальском регионе было арестовано и вывезено в неизвестном направлении более 600 человек. Траурная церемония в годовщину этого события пройдет в Августове в субботу в 16 часов”. (“Жечпосполита”, 19 июля)

- Глеб Павловский: “Проблема Катыни не может быть решена с помощью юридических актов (...) С точки зрения советских законов, действовавших в момент совершения этого преступления, польские офицеры вообще не должны были погибнуть. Их казни не предшествовала никакая юридическая процедура, не было судебного приговора. Следовательно, Катынь была преступным политическим актом (...) Засекречивание документов, касающихся того периода, причем не только катынских, – это действительно большая проблема

(...) Деятельность „Мемориала” в связи с этим вопросом следует оценить положительно, так как он постоянно напоминает, что проблема существует”. („Жечпосполита”, 11 июня)

- Председатель Совета Федерации Сергей Миронов после встречи с маршалом Сената Богданом Борусевичем: „Россия должна быть просто собой, т.е. великой державой (...) Сейчас, когда Россия вновь обретает силы, а наши бомбардировщики снова начали летать, все удивляются. Нечего удивляться – надо привыкать”. („Газета выборча”, 18 июня)

- Некролог: „С глубокой скорбью мы провожаем в последний путь Ольгерда Волынского, благородного человека, свидетеля своей эпохи, который, пройдя через лагеря и ссылку, привез с собой в Польшу столько добра, мудрости и поэзии. Все мы обязаны ему очень многим. Анна и Тадеуш Соболевские”. („Газета выборча”, 11 июля)

- Некролог: „,Всё пройдет, как с белых яблонь дым”. 9 июля умер Олесь Волынский, любивший русскую поэзию и хорошие детективы. Прощание состоится 17 июля в 14.30 в траурном зале на Повонзковском военном кладбище. Гося, Людмила, зять и внуки”. („Газета выборча”, 17 июля)

- „Группа евродепутатов, в числе которых были Бронислав Геремек, Януш Онышкевич и Юзеф Пинёр, выдвинула российскую организацию „Мемориал” на Нобелевскую премию мира. „На протяжении последних 20 лет это одна из самых активных и независимых неправительственных организаций России. Это единственная организация, сочетающая борьбу за историческую правду с борьбой за права человека и демократию сегодня”, – написали евродепутаты в письме Нобелевскому комитету (...) „Мемориал” становится совестью России, – говорит Пинёр (...) – Думаю, что у него есть шанс – хотя бы потому, что укрепляется международная позиция России””. („Газета выборча”, 16 июня)

- „Начала работу польско-российская комиссия по трудным вопросам. Первая встреча прошла в очень дружественной атмосфере”. („Тыгодник повшехный”, 22 июня)

- „Проблемы на линии Варшава – Москва разрешимы, – уверяли приехавшие в Польшу российские ученые, члены польско-российской комиссии по трудным вопросам (...) „Нас сближает друг с другом то, что и Россия, и Польша ищут свое место в изменяющемся мире”, – сказал профессор МГИМО Михаил Наринский. Его ректор Анатолий Торкунов – сопредседатель комиссии с российской стороны (...) С польской стороны

комиссию возглавляет бывший министр иностранных дел проф. Адам Даниэль Ротфельд”. (“Жечпосполита”, 13 июня)

• “На одно из заседаний комиссии приехал премьер-министр Дональд Туск (...) Оба сопредседателя были приняты президентом и министром иностранных дел (...) Диссонансом прозвучала статья в пятничном „Дзеннике”, в которой было написано, что российская сторона хочет разговаривать об убийствах поляками советских военнопленных после польско-советской войны 1920 года и обвиняет Польшу в разжигании II Мировой войны (...) „Мне кажется, что статья в “Дзеннике” была провокацией тех, кто не хочет улучшения польско-российских отношений. Но у них ничего не получилось”, – сказал проф. Ежи Помяновский (...) „Если бы не эта статья, мы продвинулись бы гораздо дальше”, – сказал проф. Адам Даниэль Ротфельд”. (“Газета wyborcza”, 14-15 июня)

• “В субботу польско-российская группа по трудным вопросам (...) провела открытую конференцию в варшавском Доме встреч с историей (...) Во время конференции директор Центра „Карта” Збигнев Глюза передал российской стороне 25-томный список поляков, репрессированных в сталинские времена, составленный в значительной мере благодаря сотрудничеству ученых, институтов и неправительственных организаций обеих стран. „В ходе исследований мы уточнили, что жертвами сталинских репрессий стали 800 тысяч поляков, а не 2,5 миллиона, как сообщали послевоенные эмигрантские источники”, – сказал Глюза (...) Двое российских членов группы – проф. Инесса Яжборовская и прокурор Александр Третецкий – получили от Федерации катынских семей медали за вклад в распространение правды о Катыни”. (“Газета wyborcza”, 16 июня)

• “После публикации доклада Мацеревича о ликвидации Военной информационной службы польская разведка потеряла связь с несколькими агентами в России, на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и на Ближнем Востоке (...) Варшавская окружная прокуратура возбудила в связи с этим следствие”. (“Жечпосполита”, 20 июня)

• “Офицер афганской армии Машал Бадша поблагодарил поляков, благодаря которым он не будет калекой. В Афганистане ему грозила ампутация ноги (...) Его перевезли в Польшу. Лечение увенчалось успехом. Машал Бадша самостоятельно ходит и намерен вернуться на службу”. (“Дзенник”, 9 июня)

- “Один польский военнослужащий погиб, а четверо получили ранения во время патрулирования афганской провинции Пактика. Подпоручик Роберт Марчевский – пятый польский военнослужащий, погибший за время миссии в Афганистане (...) До сих пор в Ираке и Афганистане погибло в общей сложности 32 польских военных”. (“Дзенник”, 23 июня)
- “Вчера поляки передали иракской армии контроль над провинцией Кадисия. Это конец самостоятельной роли наших солдат в Ираке. Теперь они могут участвовать в военных операциях только по просьбе иракских властей и под иракским командованием”. (“Газета выборча”, 17 июля)
- “Новым генеральным прокурором Афганистана стал Башир Ахмад Фазли, получивший образование в Польше”. (“Газета выборча”, 17 июля)
- “Растет число полицейских, задержанных за коррупцию. В 2001 г. их было 118, а в 2007-м – уже 710. Полицейские берут не только ради наживы, но и просто потому, что не могут отказать”. (“Дзенник”, 7 июля)
- “Вынесен вступивший в законную силу приговор по делу о смерти шахтеров в шахте „Вуек”. Члены специального взвода милиции, которые 16 декабря 1981 г. расправились с бастовавшей шахтой, приговорены к лишению свободы: их командир – к 11 годам, в связи с амнистией замененных шестью, остальные – к 7 годам, замененным тремя с половиной”. (“Тыгодник повшехный”, 6 июля)
- Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: “Годовщина келецкого погрома (4 июля 1946 г.) должна напомнить нам о том, что это трагическое событие перечеркнуло хрупкую надежду, родившуюся после II Мировой войны, – надежду, что Катастрофа не повторится, а память о ней предотвратит погромы. Тем не менее 4 июля 1946 г. в Кельце начался первый после Катастрофы еврейский погром. Погибли 46 человек, а вместе с ними – призрачная надежда на „never again” (...) В течение следующего года из Польши уехало около 100 тыс. евреев”. (“Впрост”, 13 июля)
- “Вчера в Варшаве впервые после II Мировой войны были вручены дипломы иешивы – высшего религиозного учебного заведения. Иешиву окончили десять будущих раввинов”. (“Дзенник”, 30 июня)
- “„Это необыкновенное переживание – стоять перед миквой. Это символ возрождения религиозной жизни в Лодзи”, –

говорил взволнованный раввин Бен Цион Вознер из Лондона. Миква – это иудейская ритуальная баня. Лодзинская миква открылась в среду. Это первая со времен II Мировой войны польская миква, построенная с нуля (...) В межвоенный период в Лодзи жило около 200 тыс. евреев. Действовали три большие миквы, принадлежавшие еврейской общине, и несколько частных”. (“Газета wyborcza”, 27 июня)

- Катажина Халль, министр образования: “Цыганские классы, в которые детей зачисляли по принципу этнической принадлежности, будут ликвидированы до 2010 года. В этом году цыгане-первоклассники будут в обязательном порядке учиться вместе с поляками. В школе не может быть сегрегации”. (“Дзенник”, 2–3 авг.)

- “Он умер, спасая лосенка (...) В пятницу вечером лосенок упал в бассейн на территории Варшавского металлургического комбината (...) Неподалеку бродила его мать (...) Около 23 ч. на место происшествия прибыл ветеринар Эугениуш Миклюш вместе с сыном Михалом, тоже ветеринаром (...) Он решил дать лосенку транквилизаторы (...) Лосенка вытащили на берег на веревках. Он все время находился под опекой ветеринара (...) Эугениуш Миклюш потерял сознание (...) Около 2 ч. ночи 79-летний Эугениуш Миклюш умер – вероятно, от инфаркта (...) Лосенок поднялся и медленно двинулся к лесу вслед за матерью”. (Янина Бликовская, “Жечпосполита”, 16 июня)

- Некролог: “Генек, судьба уготовала тебе прекрасную смерть: ты успел спасти еще одну жизнь. Для нас ты всегда оставался примером и авторитетом. Ты навсегда останешься в наших сердцах. Быть может, теперь нам будет легче прощаться с нашими питомцами, так как мы знаем, что ты наверняка займешься ими на том свете. Товарищи по клинике „Мультивет””. (“Газета wyborcza”, 18 июня)

- “Вчера на берегу Вислы варшавские городские полицейские выпустили на свободу орлана-белохвоста. В сентябре прошлого года птица налетела на провода высоковольтной линии. Несколько месяцев она выздоравливала (...) Вчера начальник приюта для птиц при варшавском зоопарке Анджей Крушевич решил, что орлан может вернуться в свою естественную среду обитания”. (“Жечпосполита”, 26 июня)

- “На здании Опольской городской управы телевидение повесило многометровый рекламный баннер, закрыв им гнезда стрижей. Птицы, находящиеся под строгой охраной, да еще в период гнездования, не могут вернуться в свои гнезда. Разрешение на баннер выдало министерство охраны

окружающей среды (...) На стене находится более 20 гнезд стрижей. Во время монтажа баннера птицы, находившиеся в гнездах, были отрезаны от внешнего мира, а вылетевшие наружу не могли вернуться. С тех пор над зданием кружит полсотни птиц. Они ежесекундно пытаются попасть к птенцам, но ударяются о баннер и отскакивают от стены. „Это ужасно – смотреть, как птицы бьются об этот баннер”, – говорит сотрудница городской управы”. (Изабела Жбиковская, “Газета wyborcza”, 13 июня)

- “Баннер, рекламирующий фестиваль песни в Ополе, висел на здании городской управы два дня (...) Реклама исчезла вчера (...) Решение снять ее принял министр охраны окружающей среды после вмешательства „Газеты wyborczej””. (“Газета wyborcza”, 13 июня)

- “Гидротехнические конструкции бобров стабилизируют уровень вод в небольших водотоках, а образующиеся благодаря их плотинам запруды увеличивают биологическую разнообразность окружающей среды. Именно такой эффект наблюдается на 20 тыс. гектаров польских лесов. В тоже время в начале нашего века на 17 тыс. гектаров лесов повысился уровень грунтовых вод, а 10 тыс. гектаров было защищено от пожаров. Запруды ускоряют развитие растительности и привлекают целую массу животных (...) И все это благодаря бобрам”. (Томаш Клосовский, “Жечпосполита”, 27 июня)

- Зенон Кручинский, автор книги “Краска означает кровь”: “Я не хотел быть плохим человеком и потому искал оправданий и серьезных причин, чтобы охотиться. Ведь когда просыпается тревога, приходится говорить себе и другим: об отсутствии хищников, регулировке численности популяции, зимнем подкармливании и контакте с красотами природы. Но это очень сомнительные аргументы, и я чувствовал внутреннюю тревогу (...) Столкновение с собственной жестокостью невыносимо (...) Наверное, все мы иногда оказываемся в обстоятельствах, когда удобнее не видеть, особенно когда новые знания могут угрожать жизненному порядку, в котором мы хорошо себя чувствуем (...) В Польше охотятся более 100 тыс. человек”. (“Дзенник”, 28–29 июня)

- Проф. Богуслав Павловский, антрополог: “Среди млекопитающих мы единственный двуногий вид (...) Мы почти полностью подчинили себе окружающую среду. Это удалось нам даже слишком – настолько, что мы стали серьезной угрозой для нее самой”. (“Жечпосполита”, 16 июня)

ОЛЬГЕРД ВОЛЫНСКИЙ

Ранними зимними сумерками я видел его в толпе других сотрудников, высыпавших на улицу из открытых в это время дня ворот ведомственного Института электротехники на далекой окраине Варшавы. Случалось, что в руках он нес не портфель и не клеенчатую сумку для покупок, а кастрюлю — обыкновенную кухонную эмалированную, несколько оббитую кастрюлю на веревке, пропущенной через обе ручки и крышку. Он заходил в ближайший ларек, где продавались фрукты, овощи и молочные продукты. В тесном, запотевшем от дыхания помещении, где единственными источниками света были небольшое окошко при входе и тусклая лампочка, висевшая под низким потолком, он терпеливо выстаивал очередь, потом отвязывал свою кастрюлю, а когда та наполнялась квашеной капустой из большой дубовой бочки, привязывал ее снова и шел на электричку. Его невзрачная фигура человека, не придающего особого значения одежде, была очень характерной — от нее исходило какое-то неопишемое внутреннее спокойствие. Из-под открывавшей лоб ушанки внимательно смотрели слегка поблекшие серо-голубые глаза — внимательные, но в то же время, казалось, задумчивые, словно отсутствовавшие, остававшиеся в какой-то иной, недоступной для собеседника действительности. Казалось, что он пришелец издалека, из какого-то далекого, не вполне понятного мира.

Он был талантливым ученым. В 1964 г., окончив электротехнический факультет Варшавского политехнического института, он поступил на работу в Институт электротехники. Там его регулярно, почти каждый год повышали, пока в 1976 г. он не получил степень доктора технических наук за диссертацию под ничего не говорящим дилетанту названием “Влияние коммутационных процессов на работу двигателя постоянного тока с тиристорным коммутатором”. Специальность и научную область он выбрал, руководствуясь соображениями, которые сегодня, быть может, трудно понять: “В лагере или ссылке электрика уважают. Он работает в тепле, вокруг него все бегают”, — упомянул он в беседе с Эвой Бербериуш.

В институте со штатом 1300 человек он был одним из семи сотрудников, которые в 1977 г. отважились подписать открытое

письмо в поддержку Комитета защиты рабочих (КОР). После введения военного положения 13 декабря 1981 г. он почти полностью посвятил себя распространению нелегалщины. Публикации независимого издательства НОВА и подпольный “Тыгодник Мазовше”, а затем и другие оппозиционные издания проходили через его руки в таких количествах, что он заплатил за это своим здоровьем. В конце концов его выгнали с работы за участие в местной манифестации “Солидарности”, которая, впрочем, по всем признакам была намеренной провокацией. “Договор расторгнут 31 января 1983 г. по инициативе ИЭ в связи с реорганизацией института”, — лицемерно написано в его личном деле.

Побыв некоторое время безработным, он пошел рабочим на стройку, а спустя некоторое время в дополнение к этому стал водителем. Приблизительно через полтора года ему удалось устроиться в Институт физики Варшавского университета на должность... лаборанта. На этой должности он и проработал без малого десять лет. Лаборантом с докторской степенью он оставался на протяжении всего последнего периода своей профессиональной активности — с 1984 по 1993 год.

Мало кто знал о его молодости. Он не хотел об этом говорить: “Какого хрена? Если вернется сталинизм (что, по-моему, вовсе не исключено), зачем им знать всё обо мне, о моей семье? В России старые эки говорили: „Они знают ровно столько, сколько мы им скажем”. А потом, разве моя жизнь того стоит?” Запись беседы, к которой удалось склонить его Эве Берберуш, была опубликована отдельной книгой в Лондоне лишь в 1988 году.

Он родился в Москве в 1929 г., а уже в 1938 м вместе со своей сестрой попал в детдом в Ульяновске. Его младшего брата отдали в ясли. Обоих его родителей расстреляли — Итту Волинскую (изначально Хорович), сотрудницу секретариата Генриха Ягоды, и Яна Любенецкого (псевдоним Игнаций Рыльский), деятеля Коминтерна. Самого Ольгерда тоже арестовали, хотя только в 1943 г., когда ему было 13 лет: “Я писал листовки: „Долой Сталина! Да здравствует Ворошилов!” Мне казалось, что у Ворошилова такое доброе лицо. А Сталина я ненавидел, потому что он отнял у меня родителей (...) Я писал это в тетради. Ночью через окно я выскальзывал в город. Клея у меня не было, поэтому я приклеивал свои листовки хлебом. Я развешивал их на заборах, на воротах — в Ульяновске были деревянные заборы. Я очень хорошо помню свое главное достижение: мне удалось приклеить несколько листовок на ворота НКВД (...) Меня арестовали спустя полгода. Я хорошо

помню — 18 августа 1943 года”. Потом были всё новые тюрьмы: Симбирск, Лубянка, Бутырка и пять лет лагеря под Архангельском, а в 1948 г. — пожизненная ссылка в Новосибирскую область. Однако в 1954 г. ссылка закончилась освобождением и выездом в Минск, а там — поступлением в электромеханический техникум: ведь “в лагере или ссылке электрика уважают...”

В этот период его фамилия фигурировала в списке детей польских коммунистов, расстрелянных НКВД, — детей, которые остались в СССР и которых разыскивало польское посольство. Таким образом в 1958 г. в возрасте 29 лет он попал в Польшу. В конце беседы, записанной Эвой Бербериуш, он сказал: “В 54 м году, по дороге из ссылки, я побывал в Москве у Клары Вольской — впервые уже будучи взрослым человеком. И я помню, как она была немного зла на меня за то, что Москва не произвела на меня впечатления. За все эти годы во мне что-то умерло. Сестра Берты Григорьевны Анна Григорьевна взяла меня с собой на какой-то концерт в консерваторию. Там были дамы в роскошных платьях, весь этот московский бомонд, меха, туалеты, Большой театр. И я помню, что она смотрела на меня с некоторой неприязнью, потому что я всем этим не восхищался. Для меня это не было потрясением — во мне что-то умерло. Варшава была продолжением Минска — для меня было несомненно, что я нахожусь в стране с тем же самым режимом”.

Стихотворением, которое в ссылке Ольгерд носил под рубашкой как талисман, а ночью клал под подушку, был “Жираф” Николая Гумилева. Он читал его наизусть:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд

И руки особенно тонки, колени обняв.

Послушай: далёко, далёко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

(...)

Я знаю веселые сказки таинственных стран

Про черную деву, про страсть молодого вождя,

Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,

Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

*И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Цитаты и сведения, касающиеся пребывания Ольгерда Волынского в СССР, почерпнуты из книги: Ольгерд Волынский. Голос из ГУЛАГа. Беседа с Эвой Берберииуш. Лондон, "Пульс", 1988. За сведения, касающиеся пребывания в Польше, приношу благодарность Малгожате Волынской, а также Эве и Малгожате Финтовским. За консультацию и помощь в уточнении подробностей благодарю Станислава Климека и Тадеуша Овчарского.

РОССИЯ ПОСЛЕ “ПОЛЬСКОГО ПАПЫ”

В апреле 2008 г. истекло три года со дня кончины Иоанна Павла II – Папы Римского из Польши, но при этом друга многих русских, украинцев и белорусов. Три года – это немало. Изменилось ли за это время что-нибудь к лучшему в официальных контактах Ватикана с Московским Патриархатом и, шире, в отношениях католической Европы с православной Россией? К сожалению, не так много, ибо некоторые старые препятствия и сегодня продолжают играть свою бесславную роль.

Два барьера

Православная Церковь в Российской Федерации с 1991 г. не устает повторять, что существуют два препятствия, делающие невозможным какой бы то ни было диалог с католиками. Первое из них – “экспансия” украинских греко-католиков не только на Львовской земле (заповеднике униатов с XVIII века), но и на традиционно православной Киевщине, не говоря уже о приписываемом униатам “марше на восток”, в Россию. Второе препятствие, которое она подчеркивают столь же резко: “прозелитизм” римо-католиков на территории самой Российской Федерации. Речь идет о том, что католики якобы стремятся перетянуть к себе массу православных, прежде всего детей, уже крещенных в православие.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II (Ридигер) повторяет это обвинение чуть ли не на каждом шагу, в последний раз – в Польше 18 февраля 2008 г. (в интервью Анджею Таляге для газеты “Дзенник”):

“У нас множество вопросов, связанных с миссионерской и благотворительной деятельностью католических священников и монахов, служащих в России и других странах СНГ. Нередко их деятельность, особенно в отношении детей, крещенных в православной Церкви, воспринимается нашими верующими как прозелитизм, то есть перетягивание из православия в католичество. В своей первой энциклике „Бог есть любовь” Папа римский Бенедикт XVI ясно сказал, что благотворительная деятельность католиков не должна сопровождаться прозелитизмом. Мы хотим верить, что слова

его святейшества станут путеводными для католических священников, монахов и мирян”.

Ради справедливости добавим: Патриарх проглядел то, о чем особенно в Польше следует помнить. Первым Папой, который выступил против такого “миссионерства” был Иоанн Павел II. Он сделал это в важнейшем для диалога с православными апостольском послании “*Orientale lumen*” (“Свет с Востока”, 1995). Там он предписал ликвидировать “определенные моменты напряженности между Церковью Рима и некоторыми Церквями Востока (...) затрудняющие совместный путь к единству в духе взаимного уважения”. Папа запретил использовать в католическом служении на территории бывших коммунистических государств материальное превосходство на бедными православными общинами: “Горе нам, если обеспеченность одного станет другому причиной унижения либо бесполезного и огорчительного соперничества”.

Было ли это укоризненное слово Иоанна Павла II – совершенно очевидно направленное и против “обращения” православных в России, – надлежащим образом понято действовавшими там католическими иерархами и рядовыми священниками? Пожалуй, не повсеместно, раз Бенедикт XVI счел необходимым вернуться к этой теме в своей первой энциклике. Хорошо все-таки, что на усилия главы Ватикана наконец обратил внимание сам Алексей II, и настолько, что открыто признал это в Польше, но еще лучше было бы, если бы он защищал это примирительное мнение от православных фундаменталистов у себя дома, в Российской Федерации.

Но фактом остается и то, что к католицизму там иногда льнут взрослые люди, весьма, кстати, упорные в своих устремлениях, заслуживающие нашей поддержки и сочувствия. Случалось, в католицизм переходили еще в царские времена, до 1905 г., когда переход из православия в любую другую религию или вероисповедание был уголовным преступлением и мог повлечь за собой тюрьму.

Неудачные решения

Однако в вопросе “прозелитизма” есть куда более крепкий орешек – существование четырех католических диоцезов (епархий), учрежденных Папой Иоанном Павлом II в Российской Федерации. Первая из этих структур, самая важная, – московский архидиоцез Матери Божией, получивший ранг митрополии, которой подчинены остальные три диоцеза – св. Климента в Саратове, Преображения Господня в Новосибирске и св. Иосифа Обручника в Иркутске. Патриарх Алексей так

оценил это в вышеупомянутом интервью: “Я хотел бы сказать, что и в 2002 г., и сейчас существование целых четырех католических епархий, число верующих в которых весьма невелико, вызывает недоумение. За прошедшие годы наша позиция по этому вопросу не изменилась. (...) Речь идет о необходимости соблюдать традиционный принцип уважения к поместной Церкви и не создавать параллельную ей юрисдикцию – а это сделано не по-братски”.

Сегодня можно получить и оптимистические сигналы: “Момент встречи Патриарха и Папы приближается”. Эти слова взяты из заявления государственного секретаря Ватикана Тарчизио Бертоне от 9 марта 2008 года. Если весной А.Д. 2008 так открыто говорится о возможностях приезда в Россию нового Папы Бенедикта XVI, то не утратил ли свою остроту конфликт по вопросу о католических диоцезах? Там ведь живут люди – епископы, священники и миряне. Нелегкое православно-католическое взаимопонимание нужно строить вокруг них. Пожалуй, так оно и происходит, хотя митрополит Кирилл (Гундяев), второе лицо в Московском Патриархате, ответственный за зарубежные связи, в начале декабря 2007 г. констатировал, что РПЦ никогда не смирится с существованием католических епархий в России. Он логично потребовал вернуться к положению до февраля 2002 г., т.е. к понижению статуса диоцезов до прежнего – апостольских администратур. Жертвой этого экуменического оживления еще в сентябре 2007 г. пал архиепископ Тадеуш Кондрусевич, в 2002 г. один из авторов замысла и защитников воздвижения диоцезов. Когда Бенедикт XVI отозвал его с места главы архидиоцеза Матери Божией в Москве, газета “Коммерсант” оценила это, не слишком ошибаясь, как результат смягчения споров между Москвой и Ватиканом. Кондрусевич, по мнению влиятельной газеты, воплощал правление предыдущего Папы Иоанна Павла II, при котором отношения между двумя Церквями были не блестящими.

Брестская уния и ее последствия

А ведь ни один Папа до Иоанна Павла II не проявил такого глубокого понимания православных братьев в России. Однако миссия Кароля Войтылы натолкнулась на сопротивление с обеих сторон. Одна фракция, католическая, чересчур желала помочь Папе во “взятии Кремля” – другая, православная, устанавливала засеки, чтобы он туда не въехал. Между тем Папа вовсе не собирался “брать Кремль”. Но, желая установить хорошие отношения с православной Россией, он с самого начала понтификата героически защищал Украинскую Греко-

Католическую Церковь. А деятельность этой Церкви после 1989 г. – притом не только на Украине – многие православные, в том числе и Патриарх Алексий, считают главным барьером в диалоге Москвы с Римом.

Алексий II подробно говорит об этом в вышеназванном интервью: “Под конец 80-х и в начале 90-х годов, когда Украинская Греко-Католическая Церковь вышла из подполья, Московский Патриархат был готов к справедливому разделу зданий и храмов между православными и греко-католиками. (...) Однако работу комиссии скоро пришлось прервать, так как греко-католики ушли из нее в одностороннем порядке. Уступая требованиям радикальных националистов, они начали силой захватывать церкви. В результате широкомасштабной кампании ненависти, жестокостей, избиений и угроз у канонической православной Церкви отняли практически всё. (...) Мы понимаем страдания греко-католиков, которых временами преследовали безбожные власти, и прежде всего потому, что нас самих в те времена преследовали. (...) Положение ухудшает экспансия униатов не только на юг и восток Украины, которых уния никогда не охватывала, но и на Россию, Белоруссию и Казахстан. Эти вопросы требуют как можно более скорого решения, ибо от этого будет зависеть дальнейшая судьба отношений между РПЦ и римско-католической Церковью”.

Это высказывание Патриарха точно передает всё, что думаю в России православные об униатском вопросе. РПЦ, о чем Патриарх здесь уже не говорит, после 1989 г. была решительно против легализации греко-католических структур на Украине. Но и то правда, что на Западной Украине: в Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областях и в Закарпатье – на рубеже 80-90-х случались огорчительные акты реванша униатов по отношению к православным. Они отбирали православные храмы, мотивируя это желанием восстановить положение, существовавшее до 1946 года. Хотя с точки зрения исторической справедливости эти акты, может быть, и можно понять, но с христианской точки зрения они выглядели совершенно языческими. Несмотря на то, что ни Папа родом из Польши, ни Ватикан, естественно, не имели ничего общего с подобными “народными” действиями, Москва, тем не менее, усматривала виновных в Риме и его польском епископе.

Патриарх говорит, что понимает “страдания греко-католиков, которых временами преследовали безбожные власти”, понимает, потому что самих православных “в те времена преследовали”. Но это уже полная фальсификация истории!

Во-первых, греко-католиков преследовали (сажали в лагеря, зачастую расстреливали) вовсе не “временами”. А “официальные православные” – разумеется, не те, кого действительно преследовали, – к сожалению, внесли значительный вклад в эти репрессии. Напомним хотя бы бесславный Львовский синод 1946 г., где официальная Церковь, поддерживаемая Сталиным, аннексировала греко-католиков, как раз тогда захватив все их достояние. Прибавим, что нынешний Патриарх не принадлежал ни к той, ни к другой группе: не был ни преследуемым, ни преследователем. Однако в советский период ему, православному, жилось вовсе не плохо, и никто не слышал, чтобы он тогда выступал в защиту гонимых православных в СССР. Что же касается Иоанна Павла II, то он в 1978–1989 гг. не только защищал украинских греко-католиков, но и выступал в защиту гонимых православных, не говоря уже о советских правозащитниках (например об Андрее Сахарове, который позднее, в феврале 1988 г. побывал у Папы в Ватикане).

В августе 2005 г. Украинская Греко-Католическая Церковь официально перенесла свою митрополию из Львова в Киев, а кардинал Любомир Гузар, глава униатов, принял титул “великого архиепископа Киевского и Галицкого”. Эти административные шаги вновь вызвали громкие протесты православной Москвы, промосковских православных на Украине и – last but not least – группы киевских антиевропейских политиков, которые усмотрели тут заговор Польши и Запада. Патриарх Алексий II вновь твердил об экспансии католиков на каноническую территорию православия, а митрополит Владимир (Слободан), глава УПЦ Московского Патриархата, направил Бенедикту XVI открытое письмо с призывом аннулировать решение греко-католиков. Сложившееся положение смягчил тот факт, что в сентябре 2005 г. кардинал Вальтер Каспер, председатель Папского совета по единству христиан, заявил в Москве, что Ватикан не поддержит создания греко-католических структур в самой России. А на Украине пусть остаются.

Церковь – хранитель Советского Союза?

Юрисдикция РПЦ распространяется на православных в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Казахстане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане, Азербайджане и Молдавии. Это почти весь постсоветский мир, за исключением Армении и Грузии, обладающих своими древними Церквями. Это пространство бывшего СССР Церковь называет своей “канонической территорией”, то есть рассматривает себя как религиозного хранителя этого пространства. Главным образом

поэтому она не соглашается на автокефалию Церквей на Украине и в Белоруссии. Дела должны обстоять так, как было при царе и при советской власти, и баста – об этом косвенно свидетельствуют следующие слова Алексия II: “Мы всегда относились к святой памяти Папы Иоанна Павла II с уважением. Даже в самые трудные периоды отношений между Церквями мы не прерывали диалога полностью. (...) [Однако] мы всегда считали, что приезд Иоанна Павла II может состояться только тогда, когда удастся найти такое решение проблем между нашими Церквями, которое одобряют обе стороны. К сожалению, до сих пор нам это не удалось. (...) Как мы могли взаимно приветствовать друг друга, одарять поцелуем любви, если любви не было в отношениях между людьми? Притом не мы ухудшили эти отношения – прошу заметить, что с 60-х по 80-е годы они были почти идеальными”

Отметим, что эти “идеальные отношения” после 1960 г. вытекали главным образом из того, что Ватикан при Иоанне XXIII и Павле VI молча признавал “небытие” униатской Церкви и вел “экуменический диалог”, но не с православными в СССР, а с Церковью – советским учреждением. В те времена Патриарх Пимен (Извеков) произносил пламенные проповеди (например на 50-летие большевистского переворота в 1967 г.) о братстве коммунистов и православных в их шествии к гуманизму. Сегодня коммунизма, к счастью, нет, зато существуют – главным образом благодаря своему героизму, но еще и твердой поддержке Иоанна Павла II – украинские униаты. И надо надеяться, что наследие польского Папы как в русских, так и в украинских вопросах не пропадет впустую.

Хорошо было бы, если бы Бенедикт XVI, с одной стороны, сумел наконец договориться с Москвой, но с другой – так же успешно, как некогда его предшественник, поддерживал униатскую Церковь на Украине, особенно теперь, ввиду европейских устремлений этой страны. А в религиозной сфере это отнюдь не означает, как злорадно вещают промосковские богословы, поддержку “униатства”, т.е. перетягивания православных под крыло Папы Римского. Это уже давно кончилось, но Украинская Греко-Католическая Церковь жива уже свыше 400 лет – и это факт неопровержимый.

Лучше немец, чем поляк?

Глядя объективно, улучшение отношений между Московским Патриархатом и Ватиканом (не забудем, что это лишь один участок запутанных православно-католических вопросов в Европе) не должно решающим образом зависеть от

национальности Папы. Однако то, что Иоанн Павел II – поляк, в последние годы его понтификата изображали как главную помеху в экуменическом диалоге. Чуть ли не на следующий день после смерти Папы начались разговоры о том, что его наследник – немец на престоле Петровом – сможет гораздо лучше договориться с Москвой. В мае 2006 г. “Известия”, объявляя о предстоящей аудиенции митрополита Кирилла у Бенедикта XVI, озаглавили свою статью “Диалог между Церквями начат”. В статье сначала идет описание конфликтов между РПЦ и католичеством за время понтификата Иоанна Павла II, а сразу после наступает констатация того, что новый “немецкий Папа” будет куда успешнее, чем его предшественник, способствовать диалогу между Римом и Москвой. А известный итальянский публицист Серджио Романо написал на страницах “Корьере делла сера”, что Иоанн Павел II испортил отношения с православием и Россией, а Бенедикту XVI придется все после него поправлять.

Свидетельствуют ли такие высказывания о том, что миссия Иоанна Павла II не была понята? Видно же невооруженным глазом, что “православные труды” Иоанна Павла II – Папы, который никогда не подчинялся “исторической необходимости”, а героически творил историю, – не могли быть полностью завершены за время его понтификата, и его наследник должен упорно их продолжать. Как говорит Иоанн Богослов: “один сеет, а другой жнет” (Ин 4, 37). Обещаемая больше года встреча Папы и Патриарха наверняка состоится на нейтральной почве, но не в Вене (как это уже безрезультатно планировали в 1997 г. при Иоанне Павле II), а скорее на Кипре... А уж потом – даже в Риме или Москве? Если бы эта встреча состоялась в столице России, это оказалось бы воистину историческим парадоксом. Туда не добрался величайший путешественник в истории папства, а возможность там оказаться – без особых усилий – получит Папа, ведущий скорее “оседлый” образ жизни.

И все-таки всё это будет делаться, не станем терять надежду, на благо экуменизма в “Европе от Атлантики до Урала” (по выражению Де Голля). Или еще отважней – как сформулировал Иоанн Павел II: в “Европе от Лиссабона и до Владивостока”, т.е. повсюду, где Евангелие встречается с культурой.

ПОЛЕ БОЯ – ГЕРМАНИЯ. И НЕ ТОЛЬКО

Новая работа польско-германского историка Богдана Мусяла “Поле боя – Германия. Сталинские военные планы против Запада” внесла очередной вклад в дискуссию о роли СССР на начальном этапе II Мировой войны. На основании многих ранее секретных документов из московских архивов описывается планомерная подготовка Советского Союза к захвату Европы.

В книге приводятся протоколы совещаний Политбюро, ЦК ВКП(б) и высших военных инстанций: планы и обсуждения того, как разжигать пожар в Европе, как готовиться к “Великому освободительному походу на Запад”, на кого нападать в первую очередь, на кого – во вторую. В любом случае, и для фанатичных большевиков-германофилов ленинской генерации, и для циничных реалистов-сталинцев главной целью всегда оставалась Германия – самая населенная и индустриально развитая страна Европы. Ее захват должен был обеспечить коммунистам стратегическое превосходство на континенте и дорогу к дальнейшим безграничным завоеваниям.

Но на пути к Германии, которую то и дело сотрясали то лево-, то праворадикальные выступления, лежала Польша, с которой в 1920 г. разразилась война. После поражения на Висле, которое, как показывают приведенные в книге подлинные высказывания вождей Советской России, большевики восприняли как страшную катастрофу, была предпринята передышка, сопровождавшаяся попытками содействовать восстаниям в Эстонии, Болгарии, Германии и Китае в 1920-х. Причем в 1923 г. при подготовке “германской революции”, отмененной в последний момент, большевистское руководство всерьез обсуждало вопрос о совместном с немцами нападении на Польшу. В целом все мятежи провалились, и товарищ Сталин сделал ставку на военную экспансию, к которой соответствующим образом следовало подготовиться.

Перед читателем предстает грандиозная картина напряжения всех сил страны для создания самого большого в мире военно-промышленного комплекса. Фактически, уже в конце 1920-х, то есть с началом 1-го пятилетнего плана в СССР началась

тотальная мобилизация. К слову, таковая же была объявлена в Германии только в начале 1943 года.

Террор против национальных меньшинств, в том числе поляков, начатый в СССР в 1930 г., объясняется в книге также подготовкой к войне против западных соседей. “Зачистка тыла от ненадежных элементов” в преддверии грядущей схватки стоила жизни четверти миллиона человек, и это не считая депортированных.

Как и НКВД, советские военные штабы в 1920–1930-е гг. тоже не сидели сложа руки, а разрабатывали планы будущей войны. В частности, один из ведущих военных теоретиков РККА Михаил Тухачевский настаивал на необходимости активного и массированного применения химического оружия. Тем более что он лично обладал опытом его боевого применения против крестьян Тамбовской губернии в 1921 году. Предложения по производству химического оружия были приняты, хотя в будущем оно и не использовалось.

В создание и оснащение армии были закачаны огромные средства. Однако уровень подготовки личного состава, да и техническое состояние вооруженных сил оставляли желать лучшего. Например, в 1930-е годы в советских ВВС только в ходе аварий погибло около тысячи пилотов и других членов экипажей самолетов. В среднем в мирное время один человек разбивался насмерть раз в три дня. Много лет подряд.

Тем не менее советское руководство упорно строило планы по захвату соседних стран. О генеральной, стратегической линии Сталина свидетельствует его письмо своему на тот момент самому близкому функционеру – Лазарю Кагановичу от 2 сентября 1935 г.: “Старой антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две антанты: антанта Италии и Франции, с одной стороны, и антанта Англии и Германии, с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной...”

Похожие настроения господствовали и в среде военных. Приближенный Сталина Семен Буденный направил своему коллеге Климу Ворошилову записку, к сожалению, не датированную, но, судя по сопутствующим документам, вероятно, в 1935 г.: “Что же это делается на белом свете? Три года тому назад говорили, что нам нужно два-три года, тогда мы сами нападем, а теперь просим пять лет...”

В 1935–1941 гг. советская страна прилагала определенные усилия для усиления готовности к войне и наступательные настроения витали в воздухе. Член политбюро Андрей Жданов на заседании Главного военного совета Красной Армии 4 июня 1941 г. заявил: “Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже встали на путь наступательной политики... Между миром и войной – один шаг... Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Теперь мы лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса”.

В книге присутствуют и спорные моменты.

Из работы мы узнаём об экономических сложностях во времена НЭПа, о госмонополии на водку, о проведении коллективизации и о многих подробностях проведения репрессий, что не имеет прямого отношения к теме исследования. Однако в главе “Польша – экспериментальное поле революционной борьбы” даже не упоминается о деятельности советских диверсионно-террористических групп в Западной Украине и Западной Белоруссии (Восточной Польше) в 1921–1925 гг.

Приход Гитлера к власти, чему попустительствовал Коминтерн, Мусьял расценивает как ошибку Сталина. Однако если целью Сталина, как указывает сам автор, было ввергнуть Европу в войну, чтобы потом ее большевизировать, то лучшей кандидатуры, чем Гитлер, на роль агрессора и всеобщего пугала просто не было. Выглядит ли тогда приход к власти Гитлера просчетом коммунистов?

Описывая гигантскую советскую подготовку к войне в 1941 г., без преувеличения агрессивный психоз, охвативший партийный аппарат и Красную Армию в мае–июне 1941-го, Мусьял делает вывод, что на лето 1941 г. советское нападение не планировалось, а намечалось либо на 1942, либо вообще на 1943 год. Якобы Сталин стремился подождать падения Англии и остаться с Гитлером “с глазу на глаз”. Однако в книге приводятся три факта, указывающие на то, что Рубикон войны был перейден в СССР уже в конце 1940 года. В феврале 1941 г. была начата подготовка к обучению в “партийной спецшколе” сотен человек из балканских стран, Чехословакии и Германии с образовательным акцентом на то, “как можно бить врага в собственной стране”. Еще осенью 1940 г. начались предварительные мероприятия по созданию в РККА польского легиона, а 4 июня 1941 г. политбюро приняло постановление о преобразовании в течение месяца 238-й стрелковой дивизии в

польскую. 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных училищ Сталин разразился эмоциональной речью, заявляя, что Германия развязала войну, стремится к гегемонии, угнетает захваченные народы Европы, которые начинают восставать против нее, а также подчеркнул мощь Красной Армии. В тот же день на банкете для высшего военного и политического руководства подвыпивший вождь высказался еще более воинственно: “Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная”. Эти три действия высшего политического руководства СССР затронули многие тысячи людей. Представим себя на секунду на месте шефа Абвера адмирала Канариса, получившего разведдонесение хотя бы об одном из этих событий. Какой вывод он должен был сделать для себя и что мог доложить Гитлеру о процессах в СССР после получения таких сведений? В Кремле не могли не понимать, что после таких шагов тянуть с агрессией против Германии даже полгода уже невозможно, иначе последуют упреждающие меры.

И это только факты из рецензируемой книги, которые свидетельствуют о намерении напасть на Германию летом 1941 года. За пределами работы таких опубликованных документальных сведений осталось гораздо больше.

В Красной Армии Мусьял отмечает массу недостатков – в подготовке кадров, в обеспечении продовольствием и одеждой, управлении войсками, логистикой, “морально-политическом” состоянии. Всё это, несомненно, было, но иногда складывается впечатление, что эти объективные сложности автор абсолютизирует. Общая категоричная оценка состояния советских вооруженных сил не выглядит корректной: “В 1941 году Красная Армия к войне с таким сильным противником, как тогдашняя Германия, ни в коем случае не была подготовлена”. Неподготовленная армия войну проигрывает. Сталин же вышел победителем и захватил пол-Европы, причем вопреки совершенно неожиданному оборонительному характеру начавшейся схватки.

Bogdan Musial. Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin: Propyläen, 2008. 584 S.

МОЛЧАНИЕ

Рышард Криницкий (1943) — один из поэтов “поколения 68 го”, сыгравшего важную роль в 1980 е годы. Уже его первая книга “Свидетельство о рождении” (1969) обратила на себя внимание критики, обеспечив поэту — наряду с Рафалом Воячком и Станиславом Баранчаком — место среди самых значительных дебютантов того времени. Его стихотворение “И мы на самом деле не знали”, не пропущенное тогда цензурой и опубликованное лишь в сборнике “Наша жизнь растёт” (изданном в 1978 году “Институтом литерацким” в Париже), — пронзительное свидетельство переломного события, каким был для того поколения студенческий бунт 1968 года: “Может быть, мы были детьми, у нас не было опыта, / мы знали только то, что нас заставляют верить лжи, / и на самом деле не знали, чего хотим / кроме уважения к правам и правде человека, / (...) и на самом деле не знали, что права человека / могут противоречить / правам гражданина”.

Лирику Криницкого относят к тому течению “лингвистической поэзии”, которое сосредоточено не только на языковой игре, а прежде всего занято критикой языка. Причем дело тут не только в критике официального языка, не только в том, чтобы обнажить — как было прежде всего в момент дебюта или после введения военного положения — ложь официальной речи, но и в критике языка как орудия познания.

Криницкий пишет редко и осторожно, взвешивая слова, иногда годами дорабатывая свои произведения, создавая их новые варианты. Это поэзия раздумья о духовной ситуации человека “на затерянной планете / кружащейся всё быстрее / вокруг белого / потом чёрного карлика, по краю / одной из ста двадцати пяти / миллиардов / разбегающихся галактик”. Эти слова я цитирую из последней книги поэта — “Камень, иней” (2004), снабженной эпиграфом, перифразирующим стих Апокалипсиса: “Запечатай то, что говорили семь громов, и этого не пиши”. Иней молчания покрывает тайное знание, недоступное человеческому языку.

Поэзия Криницкого распята между конкретностью непосредственного опыта (как в цикле “Новые Ксении (и элегии)”, продолжающем почтенную традицию Марциала, зловещих шуток Гёте и Шиллера и книги Ярослава Ивашкевича

“Ксении и элегии”) и мистическим переживанием, охватывающим космическое измерение нашего существования, противостоящего небытию.

Рышард Криницкий

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Свидетельство о рождении

Рождённому в товарняке
мне досталось место смерти
культ личности
мер
и весов
войсковых частей
прогрессивный паралич
парализующий прогресс
ежедневно слушаю
последние известия
живу
по месту смерти

(Из книги “Свидетельство о рождении”, 1969)

Белое Облако

то ли соединяет, то ли, соединяя, — делит:
между нами
обоюдоострый взгляд Белого
Облака
то,
что было прежде
только длящимся прошлым,
запечатлевает в том, что ещё возникнет

то, что есть, — превращает в неведомое
наша любовь сбывается,
пока ты в сомнении, —
безымянная и бесплотная
она то ли делит, то ли, деля, — соединяет,
запечатлевает нас
и два тела, далёкие и близкие, как губы
связует в своей летучей плоти
(Из книги "Общий организм", 1975)

Живая поэзия

Генрику Ванеку

Поэзия —
как перелитая кровь для работы сердца:
доноры давно погибли
в катастрофах, а кровь их живёт —
замыкает родством чужие круги
кровообращения
и оживляет чужие губы.

(Из книги "Общий организм", 1975)

Тебе уже не вылечиться от ненависти

Несчастливая газетка, тебе уже не вылечиться
от ненависти,
не лучше ли было тебе стать собакой,
ведь пёс, хоть и служит,
а всё-таки умеет сам лечить свои раны,
а ещё лучше — лисицей, которая даже ценой
увечья
вырывается из капкана;

но ты, даже если ты лис или пёс,
предпочитаешь забытьё, спячку,
прогрессивный паралич,
тебе нравится с пеной у рта добивать жертв,
заражать бешенством,
пресмыкаться перед карателями
и в одиночестве зализывать
незаживающую рану правды,
пряча её глубоко-глубоко,
как постыдную болезнь.

(Из книги “Наша жизнь растёт”, 1978)

Участь природы тоже

Облака свободно пересекают границы
и нарушают воздушное пространство
соседних стран,
волны морские бушуют
в чужих территориальных водах,
Всеобщая Декларация Прав
отступает перед конституциями —
конституции менее практичны,
чем уголовные кодексы:
с тех пор как в полицейских государствах
принимают законы об охране окружающей
среды,
видимо, участь природы
тоже предрешена.

(Из книги “Наша жизнь растёт”, 1978)

Как писать?

Так писать, чтоб голодный
думал, что это хлеб?
Голодного надо накормить,
а писать — так, чтоб голод
пошёл ему впрок.

* * *

Стихи? Голоса?
Жалобы серн и волков.
Сквозь меня течёт поток
красоты! Сомнений и скорби.
И потому я молчу.

(Из книги “Стихи, голоса”, 1988)

Перевод Андрея Базилевского

СЛОВО О “ПЛАМЕНИ”

Я уверен, что русским читателям стоит напомнить о Станиславе Бжозовском. Давно исчезло из книжных магазинов, а может, и из библиотек русское издание его главного произведения, романа “Пламя”. Оно вышло в начале 20-х годов XX века благодаря стараниям Феликса Кона, ветерана польских социал-демократов, отличавшегося особой чуткостью к роли культуры, которую левые партии в своей массовой деятельности задвигали на задний план. “Пламя” должно бы привлечь к себе внимание как читателей, так и литературных профессионалов, прежде всего русских критиков, – хотя бы по той причине, что это редкий пример литературной полемики с “Бесами”. Герой-рассказчик романа, Михал Канёвский, – участник русского революционного движения, он принимает участие и в дискуссиях, и в терактах создателей и членов таких организаций, как “Народная воля”. Его судьбу Бжозовский представил как трагедию, видя в ней не только тень поражения, но и блеск самопожертвования. Разумеется, именно это в романе (и в драматической судьбе его автора) стало знаком в польских литературных традициях, воспевающих напрасные жертвы и славные поражения. Но универсальный характер “Пламени” особенно очевиден сегодня, когда всю традицию революций, народных бунтов и даже самого общественного протеста заслонила история практического использования этого наследия советским режимом и его последователями в самых разных странах нашей планеты. Робкие попытки напомнить о бескорыстных и жертвенных традициях левых все-таки время от времени предпринимаются. В Польше журнал “Политическая критика”, орган молодой левой интеллигенции, только что переиздал “Пламя” как приложение к последнему номеру, и роман тут же вызвал довольно бурные споры.

Однако не только это событие заставило редакцию “Новой Польши” обратиться к нескольким представителям старшего поколения (к которым принадлежит и автор этих строк) с просьбой напомнить о том необычайном влиянии, которое оказало на нас в межвоенное двадцатилетие чтение романа. Напомню, что это были времена нарастающей в Европе и особенно ощутимой в Польше угрозы фашизма: в Германии уже пришел к власти Гитлер, в Италии укреплялся фашистский режим, стремившийся заполнить колонии в Африке и

сторонников в соседних странах, а у нас самих после смерти Пилсудского его преемники искали опору в союзе с заклятыми врагами покойного вождя – националистами и антисемитами. Испания служила полигоном силам, которые, проводя свои кровавые маневры, готовились развязать II Мировую войну. В такой атмосфере книга Бжозовского, написанная до I Мировой войны, читалась так, будто написана вчера. Я тогда не знал никого, кто стал бы сторонником левых, оказавшихся в опасности и подвергавшихся нападениям, после прочтения “Капитала”. А вот десятки моих ровесников, особенно принадлежавших к молодежному крылу ППС (я тогда уже был очеркистом в их органе “Млодзи идон” – “Молодые идут”), вступили на этот путь после прочтения романа Бжозовского.

Думаю, читателей “Новой Польши” заинтересуют как публикуемые здесь мнения, так и отрывок из книги великого Чеслава Милоша об авторе “Пламени”, знаменательно названной “Человек среди скорпионов”. Бжозовский умер молодым, затравленный собственными товарищами за грех, которого никто никогда так и не доказал, – обреченный на изгнание и забвение, но всем своим творчеством, смелыми идеями, новаторскими произведениями (из них наиболее известна “Легенда Молодой Польши”) он завоевал себе выдающееся место в истории польской литературы. Если читатели нашего журнала – хотя бы ввиду полемики с “Бесами” – пожелают принять участие в нашей дискуссии, редакция “Новой Польши” сочтет это еще одним важным доказательством духовной общности польской и русской интеллигенции.

БЖОЗОВСКИЙ - СВИДЕТЕЛЬ ИНОГО ПОДСОЗНАНИЯ

*Юмор – это состояние души религиозное, но и разрушающее
обрядовость: это освобождение жизни от внутреннего попа, перед
которым можно выкрутиться, солгавши.*

Станислав Бжозовский. *Легенда Молодой Польши*

Что такое для меня творчество Станислава Бжозовского?

Неустанно отвергаемый проект.

Слегка сродни тому, как на крупных конкурсах на постройку
важного архитектурного сооружения, которое должно
символизировать нацию, государство, общество.

В финале конкурса остаются, как правило, три проекта.

Первый – традиционный, сентиментальный, банальный,
перегруженный внешними украшениями, патетический,
нелогичный, рассчитанный на внешний эффект, слащавый,
вызывающий самые примитивные эмоции.

Второй – современный, очищенный от экспрессии,
напоминающий о прошлом какой-то мелочью, но в своей
псевдопрогрессивности ужасно мрачный, бесцветный и
отталкивающий.

Третий – добросовестный, скромный, полезный, с реальной
сметой, предлагающий правильные пропорции.

Естественно, выбор идет между двумя первыми проектами,
взгляды сторонников, как обычно в споре, становятся всё
радикальнее, а третий всё больше отходит в сторону.

То же происходит с идеями Станислава Бжозовского.

Много лет назад, когда я впервые прочел “Легенду Молодой
Польши”, у меня было ощущение, будто между двумя
известными мне картинами мира втиснулась третья –
значительно требовательней, но и значительно ближе к
истине.

Помню, как на меня, тогда юного и склонного легко приходить в восторг, нравиться другим, выносить категоричные суждения, подействовал призыв к преодолению мышления о себе в замкнутых категориях.

“Горе тому, кто никогда не ощущает себя смешным, – писал Бжозовский. – Только тени и призраки не знают смеха (...) Надо иметь смелость демонстрировать „дурной вкус”, „бестактность”, „смешной” разрыв с миром. Побеждаешь не потому, что ты совершенен (...) Аргумент творчества – само творчество, ничто, кроме него самого”.

Бжозовский – это и есть третий проект возможного самосознания поляков.

Время от времени кто-нибудь напоминает об этом авторе.

Чеслав Милош делал это прямо-таки с маниакальным упорством, но Чеслав Милош тоже принадлежит у себя на родине к числу плохо понятых авторов.

У поклонников первых двух проектов Бжозовский почти сразу оказался врагом.

Обвинение в сотрудничестве с охранкой “прикончило” его идеально. Если он за внутреннее обновление Церкви – предатель. Если он хочет, объединяя разум и труд, отказаться от косного деревенского польского духа – предатель. Если он не любит свой народ безоговорочно, а предъявляет ему требования: созидать, самосовершенствоваться, внутренне меняться – ну тут уж точно предатель!

А Бжозовский пытается оценить и Маркса, и Киплинга, и Достоевского, и Прудона. Оценить, то есть раскритиковать в одном, признать правоту в другом.

Как это несовременно, правда?

Очень мне любопытно: как молодежная редакция журнала “Политическая критика”, выбравшая себе в покровители Станислава Бжозовского, будет отражать нападки сторонников двух первых проектов?

Ибо в том, что они примутся за очередную “люстрацию” Бжозовского, можно не сомневаться.

Он по-прежнему неудобен, ибо не доверяет догмам и не рассматривает прошлое как нечто, неизбежно диктующее нам нынешний день.

ВЫ УЖЕ ПОБОРОЛИ В СЕБЕ БЖОЗОВСКОГО?

Говорят, до войны в рядах Польской социалистической партии был популярен вопрос: “Товарищ, а вы уже поборол в себе Бжозовского?”

Начинающим социалистам, взбунтовавшимся против социальной несправедливости, чтение “Пламени” давало серьезный опыт, но в то же время побуждало искать другие произведения того же автора. Увлечшись Бжозовским, юноша мог найти тексты, по природе “социалистические”, но критические по отношению к деятельности партии (она, по мнению Бжозовского, отрывалась от настоящих трудящихся), или же, в конце концов, “Записки”, свидетельство обращения писателя. Хотя у фундаменталиста могут возникнуть сомнения насчет этого обращения: что же это за христианин, который сохраняет в своем мировоззрении всё самое ценное, что, по его мнению, есть в марксизме? – а именно так рассуждал Бжозовский. Так что ни послушному члену партии, ни католику-традиционалисту читать этого писателя не следует, а прочитав – следует его в себе побороть. Понятно, что поклонники Сенкевича и участники патриотических пиршеств к Бжозовскому вообще не обращаются, ибо он бьет по ним сильно и без предупреждения.

Требования, которые Бжозовский предъявляет к польской душе и польской литературе, актуальны и долго еще будут актуальными. Травля, жертвой которой он стал (подозреваемый в сотрудничестве с охранкой), к сожалению, остается у нас охотно применяемой стратегией. Пытаясь защищаться, писатель спрашивал: “Разве общественным мнением в стране уже управляет департамент полиции?” Вопрос был и остается риторическим.

А роман “Пламя”, только что переизданный издательством журнала “Политическая критика”, лево-авангардистской группировки, – будут ли его сегодня читать? Заставит ли он и сегодня юношу, как когда-то, утверждать: “Дальше так нельзя”? Но, может быть, для этого ему достаточно критически взглянуть на окружающую действительность и не обязательно учиться бунту из романа?

Бжозовский стал романистом ради заработка. Ему казалось, что вымысел даст ему деньги на то, чтобы говорить правду. Естественно, это не была халтура, но – особенно в “Пламени” – видно, что он писал популярный роман, революционную мелодраму, полную любовных увлечений, заговоров, взрывов. Есть, однако, в “Пламени” тревожная загадка. Вот якобы записки бывшего анархиста, террориста, доживающего жизнь в тиши сельской усадьбы. Михал Канёвский хотел изменить ход истории, а между тем история растоптала его самого и его товарищей. Если подходить только с этой точки зрения, то книга должна называться “Пепел”. Однако этот жизненный путь от провала к провалу не окрашен отчаянием. Отсюда – парадокс, отсюда – “Пламя”. И, возможно, эта тайна привлечет внимание новых читателей.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ “ПЛАМЯ” СТАНИСЛАВА БЖОЗОВСКОГО

Каждый раз, прочитав заново Бжозовского, осознаёшь особый трагизм этой фигуры. И трагизм этот – не только в преждевременной кончине от туберкулёза на 33-м году жизни. К этому следовало бы присовокупить ту геенну, которой, по всей вероятности, стал для автора романа “Пламя” процесс перед партийным судом социал-демократов и ППС (Революционной фракции) по обвинению в сотрудничестве с царской охранкой. Основанием для этих обвинений стали его опрометчивые показания, данные им, 20-летним юношей, за десять лет до этого на следствии по делу, которое царские власти вели против тайного Общества народного просвещения. Партийный суд, которого добивался сам Бжозовский, дабы очиститься от упреков и обвинений, не доказал его вину, но и не вынес никакого приговора, что вызвало продолжавшиеся еще долго, даже после смерти Бжозовского, споры в литературных кругах с участием таких выдающихся критиков, как Остап Ортвин и Кароль Ижиковский.

Бжозовский, прежде всего философ и литературный критик, – еще и автор нескольких романов, среди которых нашумевшее в свое время “Пламя”, впервые изданное в 1908 г. и получившее популярность главным образом из-за темы: в нем рассказывается об истории группы народовольцев 1880-х годов. Правда, уже в то время, когда роман “Пламя” создавался (1907), польские читатели могли критически отнестись к тому, что Бжозовский противопоставляет революционную решимость народовольцев якобы господствующему в польском обществе обскурантизму и косности, хотя это были годы активной деятельности ППС; тем не менее смелая попытка польского мыслителя противостоять вполне понятной в то время русофобии и его дифирамбы народовольцам следует признать в тех обстоятельствах актом мужества и ценным историко-литературным документом.

Совершенно иную точку зрения на ту общественную идеологию, которую проповедовал Бжозовский, формировали годы моей юности. Роман “Пламя”, как и большинство произведений Бжозовского, посвященных философской и литературно-критической проблематике, я читал в 1932-

1933 гг. В то время, получив аттестат зрелости, я вступил в студенческий Союз польской демократической молодежи, будучи убежден, что эта организация, согласно своему названию, близка мне, так как выражает либерально-демократические взгляды, подобные тем, которые выражали “Ведомости литератке” (“Литературные ведомости”) и задающий журналу идейный тон своими статьями Антоний Слонимский. Вскоре я нашел и покровителя, близкого мне по взглядам, – выдающегося социолога проф. Александра Герца, который организовал для меня и моих друзей частный философский семинар. Однако многие деятели СПДМ выдвигали в качестве лозунга революционных общественных перемен идеологию синдикализма в духе французского мыслителя Жоржа Сореля и Станислава Бжозовского.

За время, прошедшее от создания “Пламени” до момента моего первого, юношеского прочтения его, произошли исторические события, которые решительно повлияли на отношение большей части моего поколения к идеологам, пропагандировавшим революционное преобразование общественного устройства. В России уже свершилась октябрьская революция, и одним из ее уроков было всеобщее убеждение, что революционеры, захватывающие власть с помощью революционного террора, революционеры поколения Ленина, Дзержинского, Троцкого, Сталина, утрачивают присущие народовольцам черты романтиков, идущих на гибель. Читая “Пламя” в 1933 г., я понимал, что сочувствие, которое Бжозовский стремится вызвать к своим героям, революционерам и террористам, находит в наших сердцах отклик лишь благодаря уверенности, что олицетворением общественного зла в России и поработенных ею странах был царизм. Обстоятельства диаметрально переменились после I Мировой войны. После векового поработения мы обрели независимую Польшу, которая, по мнению преобладающего большинства польского общества, была безусловным благом, невзирая на те или иные ее недостатки. Октябрьская революция в России с самого начала представлялась нам явлением враждебным и опасным. Независимо от того, что можно было критически относиться к попыткам Польши вернуть свои бывшие восточные окраины, этнически не польские (киевский поход Пилсудского), польско-советская война 1920 года глубоко укоренила в польском общественном сознании антисоветские взгляды и чувства. Лишь спустя несколько лет после этой войны в романе Жеромского “Канун весны” прозвучало сомнение: действительно ли революция в России несла одно лишь зло, не было ли в ней ростков надежды на лучшее общество.

Однако эти надежды недолго формировали мнение представителей моего поколения. Уже в начале 1930-х в Польше вышли такие книги, как “Мысль в тисках” Станислава Цата-Мацкевича (1931), “Оперившаяся революция” Мельхиора Ваньковича (1934) или начавший выходить еще раньше семитомный труд Яна Кухажевского “От белого царизма к красному” (1923–1935), полностью враждебный октябрьской революции и коммунизму. Добавим, что по мере укрепления единовластия Сталина в СССР и в результате проводившихся так называемых сталинских чисток в 1937 г. действовавшая в подполье компартия Польши растеряла в стране многих своих приверженцев и сторонников, особенно среди интеллигенции. В конце концов сам Сталин, сочтя КПП недостаточно послушной, распустил ее в 1938 г. по обвинению в том, что вся она стала послушным орудием польских спецслужб.

Начало II Мировой войны и советская оккупация восточных территорий межвоенной Польши, как и союз СССР с Гитлером, скрепленный подписанием пакта Риббентропа-Молотова в августе 1939 г., миллионы поляков, отправленных вглубь России, и убийство тысяч польских офицеров в Катыни в апреле 1940 г. – всё это еще более укрепило враждебное отношение польского общества к сталинской России. Только вооруженное нападение Гитлера на СССР изменило политическую ситуацию. Правда, спасение, которое принесло тысячам польских беженцев и ссыльных формирование армии генерала Андерса, покинувшей затем СССР в надежде начать борьбу с фашизмом там, где действовали армии западных союзников, не изменило в Польше отношения к советской России. Но начавшиеся еще осенью 1940 г. переговоры советских властей с группой польских офицеров, предвидевших, что СССР сыграет в победе над гитлеровской Германией ключевую роль, а это в свою очередь повлияет на польские дела, положили начало формированию в 1943 г. в СССР польской армии, первоначально под командованием генерала Берлинга. Этот факт, как и создание Польской рабочей партии (ППР) в оккупированной немцами Польше, стал началом нового, основанного на реальных политических предпосылках возрождения политических сил, которым гегемония сталинского СССР давала возможность захватить власть в освобожденной от немецкой оккупации Польше.

Сегодня роман Бжозовского “Пламя”, прочитанный через сто лет после первого издания, по многим причинам обречен на элитарный характер восприятия. В этом романе выдающегося польского мыслителя и теоретика даже есть описание операции, кульминационным пунктом которой стало убийство

царя Александра II. Несмотря на это, мне книга представляется – тут я думаю о возможном массовом читателе – резонерской, растянутой и анахроничной по форме, хотя стоит ли удивляться этому спустя сто лет. Одолеть ее имеет шанс только читатель, принадлежащий к интеллектуальной элите. Для современной русской интеллигенции роман “Пламя” мог бы и сегодня представлять интерес как отражение польского (полного энтузиазма!) взгляда на существовавшее в России более 120 лет назад движение народовольцев.

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ СКОРПИОНОВ

Жизнь наша, я наше – это пост часового; когда мы с него уйдем – его потеряет всё человечество навсегда.

Бжозовский

Станислав Бжозовский умер 30 апреля 1911 года во Флоренции от чахотки – или, вернее было бы сказать, от нищеты – на тридцать третьем году жизни. За полвека, прошедшие с тех пор, в Польше не было почти ни одной литературной дискуссии, где не раздавалось бы его имя. И все-таки в его родной стране нет даже такой памяти о нем, как собрание сочинений. Большинство его книг – сегодня библиографическая редкость, и любой, кто пожелает с ними ознакомиться, вынужден вылавливать их по одной в каталогах крупных библиотек.

Самым верным другом Бжозовского была его жена Антонина, урожденная Кольберг. Ее стараниями в 1928 г. на флорентийском кладбище Треспиано был воздвигнут надгробный памятник по проекту скульптора Роберто Пассальи с надписью: “Stanislaw Brzozowski, poeta e filosofo”. Вторым верным другом был львовский критик Остап Ортвин. В последние годы жизни, когда Бжозовский изо всех сил стремился успеть закончить как можно больше начатых трудов, польская пресса и издательства бойкотировали его. Если бы не Остап Ортвин, самые зрелые книги Бжозовского остались бы в рукописях, а рукописи могли бы и погибнуть, тем более что бойкот прекратился далеко не сразу после смерти их автора. Ортвин был литературным советником львовского издательства Б.Полонецкого, и там вышли “Легенда Молодой Польши” (1909), “Идеи” (1910) и уже посмертно – роман “Один среди людей” (1911), “Голоса среди ночи. Исследования романтического перелома европейской культуры” (1912), вышедшие под одной обложкой “Призраки моих современников” и неоконченный роман “Книга о старой женщине” (1914), избранные сочинения кардинала Ньюмена в переводе и с предисловием Бжозовского (1915). Посмертно вышли и изданные Антониной Бжозовской “Записки” (год издания, вероятно, 1915).

В польской литературе XX века не найти писателя с таким размахом и серьезностью интересов. Умственно он

превосходил всех знаменитостей своего времени, и это дает ему сегодня исключительное положение. Такие писатели, как Жеромский или Реймонт, оказались “обустроены”, вменены в свою эпоху, классифицированы, и никому не пришло бы в голову заниматься цензурой их сочинений. Бжозовский же у издателей или у тех, кто пытается о нем писать, вызывает тревогу и дрожь, а причины этой дрожи меняются в зависимости от колебаний политической конъюнктуры. Это значит, что он по-прежнему остается нашим современником и еще не превратился в предмет историко-литературных исследований. По-прежнему каждый, кто о нем пишет, уже тем, что взялся за перо, высказывается за или против. Эту пристрастность, вытекающую из самой природы вопросов, которые заботили Бжозовского, тогда в этом одинокого, не следует скрывать.

Говоря в самом общем виде, темой его сочинений был переворот в истории рода человеческого, начавшийся под конец XVIII века и ознаменованный порогом новейшей истории – Французской революцией. Отдельные книги Бжозовского можно назвать экспедициями в разные края столетия перемен – быстрых, как никогда ранее. Это касается и его романов. Содержание “Пламени” – деятельность нечаевцев, затем Парижская коммуна и “Народная воля”. “Один среди людей” – это картина 1830–1848 годов в Польше и Пруссии, причем показаны круги левых гегельянцев в Берлине. Незаконченная “Книга о старой женщине” предвещала поразительный роман о “процессе реабилитации” революционера (1905 года), убитого своей партией. Давая своим очеркам о французских, английских и русских писателях подзаголовок “Исследования романтического перелома европейской культуры”, Бжозовский понимал этот кризис широко: по его мнению, он продолжался без перерыва, постоянно принимая новые формы.

Бурная эпоха, увлекавшая Бжозовского и понимаемая им как непрерывность, как целое, открытое в будущее, вскоре после его смерти стала еще более бурной. Нас отделяют от него I Мировая война, русская революция, II Мировая война и еще трудное для полной оценки, ибо лишь начинающееся, явление “обобществления человечества” в планетарном масштабе. Опыт формирует язык, и многие чаяния, позиции, типы мышления получили хотя бы временные и несовершенные названия. На карте истории, находящейся в движении, отмечены точки ориентации. Бжозовский углублялся в пространства, почти никем тогда, и не только в Польше, не исследованные, поэтому ему приходилось самому создавать

свой инструмент, свою терминологию. Сегодня мы сказали бы, что он производил “экзистенциальный анализ исторических структур”, что всё у него вращается вокруг “проблемы отчуждения”, – но он не давал таких определений. При этом его отчаянные метания иногда производят впечатление усилий добиться, чтобы его слышали глухие. Глухота его читателей состояла в полной неосвоенности с диалектическим мышлением, в требовании, чтобы было “или да, или нет”, а уж по крайней мере – чтобы, рассматривая какое-то течение мысли или какое-то произведение, находить в нем “хорошие и плохие стороны”.

Отсюда – остолебенение, когда Бжозовский одним духом выговаривал “да” и “нет” (всё его отношение к романтизму), отсюда – крики, что он неустанно сам себе противоречит. Несомненно, сегодня мы читаем Бжозовского иначе, нежели его современники, и это не наша заслуга, а результат коллективного опыта, способного растопить воск в ушах у многих. Мы менее склонны ловить его на слове, и его нелегкая, протейичная мысль является нам в развитии, в постоянном преодолении самой себя, в постоянном исправлении собственных ошибок, однако при ясно указанном направлении.

Как оставаться писателем, не принятым теми, ради кого тратились все силы в уверенности, что совершаешь перестройку сознания – их или их сыновей? Почему столь многие черпали и черпают полными горстями из наследия Бжозовского, но как бы украдкой, не признаваясь в этом публично? Почему такая плата за любовь? Как оставаться *un écrivain maudit*? Быть может, пришло время попытаться дать ответы на эти вопросы, пользуясь возможностями, которые дает перспектива времени, сгущенного историческими событиями. Да послужит это вместо венка на кладбище Треспиано, которого в это 50-летие со дня его кончины не возложит никакая делегация польских литераторов.

Умственное освобождение равнялось для Бжозовского, гимназиста в Немирове, протесту против родимого окружения, т.е. против Польши сентиментальных нравов, католической церквушки, культа национального мученичества, ритуального обжорства по праздникам и программного антиинтеллектуализма. Быть человеком – или быть поляком, в котором человек – самой своей принадлежностью к национальной группе и повиновением ее заповедям – уменьшен? Этот вопрос Бжозовский, видимо, пережил остро, если в двух его романах герой обретает внутреннюю свободу, лишь поправ национальный запрет. В “Пламени” Михал

Канёвский рвет со своей помещичьей семьей и приносит позор ей на голову, становясь русским революционером и нигилистом: он вступает в группу Нечаева, а затем, уже народовольцем, принимает участие в подготовке покушения на жизнь Александра II. В Сибири он встречает польских ссыльных – участников восстания 1863 г., – и те не могут простить ему, что он в своей революционной деятельности идет вместе с русскими: для них Россия – это дикая страна, разъединенная взяточничеством и сифилисом, колосс на глиняных ногах. В романе “Один среди людей” шестнадцатилетний Роман Олуцкий дополняет свое освобождение от нравов и верований своей среды, нарушая морально-политическое табу, почти равное тому, которое в штате Миссисипи защищает белую женщину от половых отношений с негром: он облегчает барышне из хорошей польской семьи побег с русским офицером. Ни один писатель в Польше, причем по сей день, не осмелился обратиться к этой стыдливой сфере, сформированной коллективным подсознанием, к содержанию правила, согласно которому вхождение в “русский мир”, согласие на этот мир тождественно нравственному падению, вечной утрате души^[1]. В политике – да, при жизни Бжозовского левых раздирали спор между социалистами и социал-демократами, позднее ставший спором между социалистами и коммунистами: независимость и социализм или революция, которая разрешит национальные конфликты как бы автоматически. Однако в литературе не нашлось аналога этому спору на другом, более глубоком уровне, то есть не было изучено, откуда на самом деле бралась нечистая совесть, которую легко заметить у всех отщепенцев, готовых во имя принципов признать “русский мир” своим. Только Бжозовский показывал польско-русский узел трагически, т.е. наделяя аргументы и позиции равным весом и равной эмоциональной напряженностью.

Значение Бжозовского в польской литературе нельзя оценить надлежащим образом, если фон, на котором мы его рассматриваем, слишком узок – например, замкнут в пределах недолгой стадии “Молодой Польши”. Подвергая ревизии весь XIX век, извлекая прежде всего проблемы первой его половины, нерешенные и отложенные или заслоненные, Бжозовский стал как бы реваншем, поспешным, иногда неловким, за всё то, что ни уст, ни перьев до тех пор не знало. В то же время его посмертная судьба позволяет вникнуть в исторические обстоятельства, которые и по сей день не вполне стали прошлым.

Первое издание: Париж, Институт литературы, 1962

1. Тувима в “Польских цветах” это искушало.

БРИГАДЫ БАРБАРЫ БРЫЛЬСКОЙ

Еще до недавнего времени тот, кто мечтал об эффектной, впечатляющей карьере, паковал чемоданы и летел за океан. Так поступили Катажина Фигура, Иоанна Пакула, Лилиана Коморовская. Другое дело, что там наши актеры терялись в толпе коллег, которые тоже прибывали с разных концов света. Молодое поколение, наученное неудачами старших, вспомнило об успехах, которых их предшественники добивались в Советском Союзе. Поэтому новое и модное направление, сулящее замечательные перспективы, – это Россия.

Российский Голливуд

Барбара Брыльская, Даниэль Ольбрыхский, Эва Шикульская и Беата Тышкевич – все они по сей день остаются в России звездами первой величины. Когда в России задают вопрос о самых популярных поляках, участники опросов называют Брыльскую перед Иоанном Павлом II, Шопеном и Лехом Валенсой. Ежегодно под Новый год по телевидению показывают “Иронию судьбы”, а газеты бьются за интервью с актрисой. В 2007 г. появилось продолжение этой популярной картины – “Ирония судьбы. Продолжение”. Конечно же, там не могли обойтись без Брыльской. Не меньшей популярностью пользуется и Даниэль Ольбрыхский, который даже был приглашен в частную резиденцию президента Владимира Путина. В России этот актер по-прежнему профессионально активен. Недавно он вел популярное реалити-шоу “Империя”, где выступил, в частности, заместителем председателя Думы Владимир Жириновский. Ольбрыхский сыграл одну из главных ролей в боевике “Турецкий гамбит” (2005), который в течение первой недели проката заработал 12,5 млн. долларов.

Российский кинорынок, еще десять лет назад переживавший глубокий кризис, – это ныне будущее мировой кинематографии. Продажа билетов выросла с того времени в 27 раз. “Российская киноиндустрия располагает огромными деньгами, замечательными операторами, а спецэффекты находятся на феноменальном уровне”, – считает Михал Жебровский, который в 2007 г. сыграл в блокбастере “1612”. Сходного мнения о состоянии российской кинематографии придерживается и Даниэль Ольбрыхский: “Это изменение

связано с повышением жизненного уровня. Появляется все больше людей, которым вполне по карману потратить 10 долларов на билет в кино. Еще несколько лет назад в громадной стране было всего лишь несколько мультиплексов, сегодня их несколько сот. Кино стало поистине массовым развлечением. Это приводит к тому, что индустрия развивается, бюджеты растут, а актеры зарабатывают больше”.

В 2007 г. отечественное кинопроизводство принесло России миллиард долларов, и только в одной Москве было произведено триста фильмов. Гигантская, 140-миллионная зрительская аудитория позволяет тамошним кинематографистам не беспокоиться по поводу зарубежных рынков.

Преемники Брыльской

В России существует спрос на польских актеров, потому что симпатии к поколению Брыльской все еще живы. Поэтому молодежь решила повторить успех предшественников и штурмует Москву. В звезду первой величины начинает там вырастать Каролина Грушка, которую уже сегодня сравнивают с Беатой Тышкевич. Актриса варшавского Национального театра признаётся, что в России у нее все время спрашивают о Брыльской и Тышкевич. Грушка играет там в сериале “На полпути к сердцу”. До этого она выступила в фильме “Русский бунт” и в белорусско-российской картине “В августе 44-го...”. Сейчас она закончила съемки в новом фильме Ивана Вырыпаева, создателя нашумевшей “Эйфории”. В “Кислороде” актриса сыграла главную роль. И уже поступают очередные предложения. Грушка признаётся, что скорее переселится в Москву, чем в Голливуд.

Рядом с Грушкой в “Русском бунте” сыграл Матеуш Даменцкий. Фильм Александра Прошкина основан на прозе А.С.Пушкина. “Я очень тепло вспоминаю работу на съемочной площадке в России, – говорит актер. – Там царил полный профессионализм, а размах предприятия был куда больше, чем при производстве фильмов в Польше. Я не задумываясь принял бы следующее предложение из России”, – заявляет актер. Даменцкий попал в число исполнителей случайно. В польском посольстве в Москве режиссер увидел какой-то журнал с фотографией актера времен сериала “Матери, жены и любовницы”, после чего пригласил его на кастинг. Грушка и Даменцкий взяли верх над сотнями российских кандидатов и получили главные роли. Это вызвало немалое замешательство, потому что к “Русскому бунту” там относились примерно так же, как у нас – к экранизации “Пана Тадеуша”.

Гетман Жебровский

Рекорды популярности бьет в России и Михал Жебровский, который в конце 2007 г. выступил в самом крупном российском историческом блокбастере "1612". Бюджет кинофильма, повествующего о Смутном времени (его продюсером по заказу Кремля был Никита Михалков), составил свыше 10 млн. долларов. Жебровского режиссеру Владимиру Хотиненко рекомендовал Кшиштоф Занусси. Это первое выступление актера в России, но рецензенты были восхищены игрой поляка, и тогда же посыпались новые предложения. "Летом, - сообщает актер - я начинаю сниматься в следующем фильме - с русским режиссером, который уже 20 лет работает в Голливуде".

На восток ездит все больше выпускников театральных и киношкол, потому что начинающих актеров с берегов Вислы на "Мосфильме" принимают охотно. Правда, им дают лишь небольшие, малозначительные роли, но это все равно намного больше, чем то, чего они могут достичь на старте у себя на родине или в грезящейся им Америке. "Не могу припомнить, - говорит Даниэль Ольбрыхский, - чтобы какой-нибудь европейский актер со времен Греты Гарбо сделал в США ошеломляющую карьеру. У них там сколько угодно собственных превосходных артистов, и в импорте они не нуждаются. Между тем в России по-прежнему питают симпатию к польским актерам и фильмам, на протяжении многих лет они находились под огромным влиянием польской кинематографии".

"Впрост", 6 апреля 2008

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Прекрасная поэма Ярослава Ивашкевича “Азиаты” заканчивается вопросом, который может выглядеть утерявшим злободневность: “Так неужели только тогда и будем богаты / Знанием – узнав, европейцы мы или всё-таки азиаты?” (пер. А.Базилевского). Сегодня выхода нет: мы европейцы (хоть каждый желающий может, разумеется, открывать в себе другие корни – в демократической и всё более либеральной Европе это никому не воспрещается). Зато открытым остается вопрос, какие мы европейцы. Причем в нынешних дискуссиях – в отличие от тех, что шли у нас в 80-е годы, прежде всего в подпольной и эмигрантской печати, – акцент сдвинут с культурных вопросов на политические. Однако продолжает подниматься вопрос специфики восточно- или центральноевропейского самосознания в его соотношении с Западом. Используя модный сегодня жаргон “колониального дискурса”, один из вопросов, встающих всё время, особенно в правой риторике (о качестве ее не говорю), – страх замены московского господства брюссельским.

Этот страх стал фоном вопросов, которые ставит Анджей Новак в статье “Граждане, потребители, европейцы”, опубликованной в “Европе” (еженедельном приложении к “Дзеннику”, 2008, №30):

„Должна ли Польшу заменить Европа? Должны ли мы рассматривать европейский проект, открытые к западу (но не к востоку!) границы, возможность наших сограждан легально зарабатывать деньги в Англии или Ирландии, учиться в немецких, французских, английских университетах – должны ли мы рассматривать всё это как первую ступеньку к построению новой лояльности, в которой мы почувствуем себя лучше, чем в старом польском “захолустье” Или же участие в этом проекте мы рассматриваем скорее как надежду на то, что Польша укрепится, а не “растворится”? Видим ли мы еще какое-то будущее для Польши, хотим ли мы его? Или же смиряемся с ролью периферийного региона Европы? Вот ось расхождения во мнениях, которая, на мой взгляд, сегодня особенно существенна. Тот же спор идет и в других странах Европы и так же, как в Польше, глушится. Следует ли и нам

этот спор “разрядить”? Может, все-таки стоило бы рассмотреть аргументы, которые в нем звучат. Для того чтобы увидеть линии расхождений, вместо того чтобы сглаживать их. Одни аргументируют так: Польша слишком слаба, чтобы самой справиться с глобальными вызовами на новой карте модернизации и политики XXI века. Объединенная Европа еще способна бороться за свою субъектность на этой карте, соперничая с Китаем, Россией, Индией, арабским миром и даже США. Таким образом, речь идет о традиционном патриотизме борцов за независимость, только перенесенном с неспособной исполнить его реальные требования Польши на более широкое сообщество, к которому мы относимся по цивилизации, т.е. на Европу. Однако у такой позиции есть свои слабые пункты. Во-первых, здесь всего лишь перенесена логика соперничества, конфликта с национального на более высокий уровень – цивилизации или континента. Это явно не выход из “национализма”, но попытка найти для него новый объект. Притом попытка, отягощенная огромным риском неудачи – прежде всего потому, что Европа не возбуждает такой эмоциональной связи, какую в некоторых случаях (Польша, Франция, Англия) создали века национальной общности”.

Да, но и эта аргументация довольно сомнительна. Эти национальные связи всё ж таки, подходя к делу исторически, сравнительно новы: идея национального государства в современном смысле слова возникла на рубеже XVIII–XIX веков. Да и трудно в этом случае говорить о “национализме” – речь скорее идет об общности ценностей, особенно касающихся таких сфер, как общественно-политическая жизнь, о принципах созидания общности. Наверное, они нуждаются в переопределении, но в евро-атлантической цивилизации это тоже не новость, необходимость же этого переопределения вытекает из довольно приземленных обстоятельств: ни одно из традиционных национальных государств Европы не самодостаточно и не способно в одиночку устоять перед вызовами глобализации. Впрочем, это тема для отдельной дискуссии. Вернемся к статье Новака:

„Европейский патриотизм слаб, европейский демос по-прежнему не существует. Окажется ли чувство отождествления с Европой настолько сильным, чтобы успешно ее защищать? Чтобы со-творить для нее – как это было во времена христианского единства Европы – великие произведения? Сторонники европейского проекта как инструмента решения польских проблем используют еще один, весьма серьезный аргумент. В объединенной Европе окончательно исчезнет призрак Польши, зажатой между Германией и Россией.

Германия останется сердцем Европы, а не Миттель-Европы; Россия же не справится с таким большим ломтем, как весь Евросоюз. Однако разве мы не замечаем вполне ощутимых сигналов того, что Германия тоже ищет своей независимости, своей субъектности, своего исторического и политического облика – в специфическом флирте с неоимперской Россией? Может, Евросоюз – это только всё более слабая ширма, за которой кроются интересы ее самых сильных членов?”

Что же, каждое, пусть самое малое сообщество ищет свой особый облик и по-своему определяет свои интересы, что можно увидеть хотя бы в трудностях Бельгии, последнее время стоящей перед угрозой распада страны (кстати, может быть, как раз внутри Евросоюза такие процессы создания автономных провинций в рамках сообщества более крупного, надгосударственного станут общераспространенным явлением?). А вышеназванный флирт с Россией? Я не очень-то вижу, как бы этот флирт мог преобразоваться в устойчивый союз без разрушения европейских структур. Но, возможно, у меня недостаточно развито политическое воображение. Одно я помню: Конрад Аденауэр, продвигая концепцию объединенной Европы, хотел тем самым создать механизм, защищающий континент от немецкого самоволия.

И еще один отрывок из рассуждений Новака:

„Спор здесь, однако, отнюдь не заканчивается – только начинается. Ибо для других его участников Европа вовсе не какая-то новая империя, которая должна более успешно бороться за свои (то есть отчасти и наши, региональные) интересы или же защищать свой европейский, то есть отчасти наш облик на глобальной межцивилизационной арене. Нет, для многих влиятельных глашатаев веры в Европу она должна заменить не только Польшу, но и весь традиционный политический порядок. Она должна стать постполитическим творением. И должна также не иметь никакого традиционного самосознания и облика, а спецификой обладать – лишь благодаря своей постсовременности, позволяющей ей широко открываться навстречу “другим”. (...) Однако проблема с этой картиной состоит в том, что те, кто находится вовне оной утопии постсовременности, совершенно ее не понимают, а только используют в своих вполне традиционных играх – как это делают Россия Путина-Медведева, мир исламских фундаменталистов, США, КНР. Такая Европа не обеспечит своим гражданам защиту. В лучшем случае – на некоторое время – защиту от действительности”.

Я лично не сомневаюсь, что Анджей Новак тоже помещает себя вовне оной утопии – даже понимая ее, – ибо он так привык к правилам традиционных игр, что не в состоянии верно пользоваться правилами игр новых. Это, однако, не значит, что он прав, – значит всего лишь, что его картина действительности далека от воцарившегося сегодня положения вещей. Разведкой этого положения вещей, но с другой точки зрения попытался заняться Дариуш Скурчевский в статье “Комплекс(ы) среднеевропейца”, опубликованной в катовицком ежеквартальном журнале “Опции” (2008, №2). Статья посвящена творчеству Анджея Стасюка. Автор пишет:

„Кто ты, если ты живешь в стране на берегах Вислы (а точнее – Вислока) и не чувствуешь себя до конца европейцем, готовым с полной убежденностью объясняться в своей европейскости? Ответ поражает и провоцирует: реликт западного империализма. Читатель таких книг Анджея Стасюка, как “По дороге в Бабадаг” и в точности рифмующееся с нею “Фадон”, найдет в них немало типичных знамений постколониальных обществ: травму иностранной гегемонии, бремя экономического недоразвития, пессимизм, пассивность. Это только часть комплексов, составляющих комплекс, а то и целую сеть комплексов неполноценности, из которой эти общества пытаются выбраться. Неполноценности, разумеется, по отношению к Западу, ответственному за колонизацию покоренных территорий и ее далеко идущие последствия. (...) Колониализм обычно ассоциируется с захватами заморских владений, несением цивилизации, эксплуатацией цветных туземцев белыми завоевателями... Что связывает этот опыт с нашей частью мира? На первый взгляд, мало что, в действительности – почти всё. Может быть, за исключением географической дистанции, ибо так сложилось, что ни России/Советскому Союзу, ни – в случае Польши – еще и Пруссии/Германии не приходилось пускаться в дальние экспедиции, чтобы обрести желанные колонии, – достаточно было посягнуть на прилежащие территории. Мы не привыкли мыслить в категориях постколониальной теории, а может, и возмущаемся при мысли, что кто-то мог бы приравнять нас, народ, уже тысячу лет находящийся в орбите западной культуры, к странам Азии или Африки. Однако если нынешние размышления о Центральной и Восточной Европе должны расширить прежде разведанное поле, то нужно обратиться к инструментарию постколониализма”.

При помощи этого-то инструментария Скурчевский прочитывает прозу избранного им писателя:

„В последние годы Анджей Стасюк не уклоняется от высказываний на темы, затрагивающие его родину, на страницах иностранной печати – в том числе и на политические темы. (...) И вот в одном из таких интервью (...) обнаруживаются силы, которые подспудно понижают его прозу. Речь идет об отношении поляков к восточным и западным соседям. “Я боюсь немцев и русских, – говорит он с бескомпромиссной откровенностью, – я презираю их и восхищаюсь ими. Быть может, такая судьба выпала полякам: одержимость на пункте своего положения в Европе и мире. Быть поляком значит жить в полной изоляции”. Признание Стасюка можно считать эмблематическим для его творчества, ибо писатель определяет в нем позицию, с которой присматривается к “новой” и “старой” Европе, а косвенно также к себе и своим соотечественникам и тем обществам и народам, с которыми либо отождествляет себя, либо солидаризируется. Презрение и в то же время восхищение по отношению к бывшим гегемонам – здесь не симптом раздвоения личности или нерешительности. Такая амбивалентность (явление, фундаментально описанное в постколониальной теории) характерна для народов, подчиненных чужому господству на любой географической широте. (...) Деколонизация умов требует поэтому справиться не только со своим индивидуальным опытом и опытом сообщества, к которому принадлежишь, но и с глубоко встроенными в память личностей и общности структурами мышления и ассоциаций. Главное место среди них занимает чувство “худшести”, естественное психическое и культурное последствие долгого иноземного господства”.

Независимо от того, как иллюстрирует этот вопрос проза Стасюка, можно, пожалуй, без труда показать, что трудности с деколонизацией ума свойственны многочисленным представителям польской правой публицистики, у которых понятие нации как последней, ни к чему не сводимой ценности служит инструментом оборонительной конструкции национального самосознания, настроенного на оборону суверенности, по определению находящейся под угрозой. Это видно хотя бы в вышецитированном тексте Новака, но тот же подход можно обнаружить в продвигаемой в последние годы концепции “исторической политики”. Это ведет к изоляции сообщества, пораженного тем самым комплексом “худшести”. Так происходит и в повестях Стасюка, который оказывается необычайно точным разведчиком царящего положения дел, что подчеркивает Скурчевский:

„Изоляция, одиночество – это, кстати, у автора “Фадо” не только польская “судьба” (дает ли это какое-то утешение?). Этим страдает вся германская Центральная Европа, упорно неуверенная в своем существовании и продолжающая искать самоутверждения у других, более устойчивых и уверенных в себе политических организмов и народов. Это регион без будущего, осужденный рассматривать и преобразовать в миф, в “круговой нарратив” то, что прошло, ибо только там, в мифологизированном прошлом, можно найти обоснование своего бытия. (...) Жители Центральной и Восточной Европы – у Стасюка почти без исключения аутсайдеры. Правда, они нарисованы с сочувствием и пониманием как люди героические по мерке своего времени, но это героизм согласия быть жертвой, героизм, который не приносит никаких других плодов, кроме мстительного чувства”.

Необычайно точное замечание. Однако насколько в прозе Анджея Стасюка мы находим диагноз существующего положения, настолько же тревожит чтение всяческих рассуждений о достоинствах “польской души” или требований, чтобы весь мир – в первую очередь немцы и (реже) русские – заплатил за перенесенный в прошлом ущерб. Совсем недавно чашу переполнило требование крестьянской партии ПСЛ, которая заявила, что США должны заплатить Польше за несчастья, выпавшие на ее долю в результате ялтинского сговора великих держав. Однако независимо от этих игр и развлечений одной из основных проблем современной политики в том ее аспекте, который касается Польши, остается вопрос ее субъектности на международной арене. Давая определение дискуссии основных ныне игроков польской политической сцены, Людвик Дорн в интервью “Дзеннику” (2008, №165) называет ее “спором о том, быть ли Польше национальным субъектом. Или же ей быть, возможно, даже успешно самоуправляющимся организмом, населенным людьми, говорящими по-польски. (...) Я не отказываю нашим противникам (т.е. “Гражданской платформе”. – Л.Ш.) в патриотизме и не приписываю им отказа от национальных интересов. Но упрекаю их вот в каком мышлении: мир силен, а мы, поляки, слабы. Борьба за субъектность мучительна и требует затрат. Модернизация, совершаемая в рамках субъектности, тоже мучительна и требует затрат. Многие этого не хотят. Значит, надо приспособиться. (...) Но если мы хотим, чтобы Польша была субъектом, то мы должны консолидировать государство и заново определить его цели и задачи, чтобы сохранить его интегрирующую функцию. ПИС ставит перед поляками планку выше, хочет заставить их быть активными. ГП обещает состояние блаженства”.

Это высказывание – классическая формулировка сложившегося в XIX веке императива национального государства, настроенного на конфликт и неустанную борьбу с другими, борьбу, которой придает динамику комплекс неполноценности. Ставкой в этой борьбе должно быть укрепление структуры национального бытия в противостоянии прочим нациям, исключаящей, таким образом, отношение к ним как к партнерам диалога об общем будущем. Это в большой степени отличная иллюстрация мышления, где присутствует как комплекс “худшести”, так и наказ демонстративно его преодолеть. Опасаюсь, что мышление в подобных категориях становится в современном мире анахронизмом. Но, ясное дело, я могу и ошибаться. Будущее никогда не определено до конца, а сила мстительных чувств в тех или иных обстоятельствах может оказаться то инструментом самоосуществления, то инструментом саморазрушения. Существенным выглядит одно: игра на мстительных чувствах всегда небезопасна, и, пожалуй, следует от них освободиться.